ПРАВИТЕЛИ РОССИИ

ИМПЕРАТРИЦА ВСЕРОССИЙСКАЯ

АННА ИОАННОВНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Официальная историческая наука привыкла представлять Анну Иоановну, мягко говоря, не самой заметной фигурой российского престола XVIII века. Отчасти то верно – императрица не отметилась в веках ни громкими деяниями, ни чертам характера. Десять лет ее правления прошли спокойно для России. И если бы не знаменитый роман Лажечникова «Ледяной дом», кто бы из наших современников вспомнил, что была такая царица? Причем – судя по истории, рассказанной писателем – дама с явно не сахарным характером, шутки ради едва не заморозившая двух шутов на ледяном брачном ложе. Правда все эти представления, как и книга Лажечникова довольно далеки от реальности. В тени мифов оказались практически все ее реальные дела – борьба за польское наследство, первые походы в Крым, покорение Сибири, появление отечественных оперы и балета, императорский двор европейского уровня, финансовое благополучие казны. А главное – царица умела искренне и горячо любить. И под ее внешним снежным спокойствием бушевали такие пожары, что могли растопить не только лед, но и закаленную сталь.

- Ольга Агеева
  - Вступление
  - Государева радость
  - Московское детство
  - Царевна-герцогиня, или Конец московского терема
  - Курляндская вдовушка
  - 1730 год. Путь к короне империи
  - У кормила власти
  - Европейский двор с родимыми пятнами старины
  - На перекрестке Запада и Востока
  - Семейные хлопоты и судьба престола
  - Послесловие
  - Главные даты жизни императрицы Анны Иоанновны

Ольга Агеева
Императрица Всероссийская Анна Иоанновна
28 января 1693 – 17 октября 1740

Вступление

Анна Иоанновна – незаметная фигура русского престола XVIII века. Не отмеченная ни яркими чертами характера, ни громкими успехами деяний, Анна теряется среди монархов своего века, блиставшего именами Петра Великого, красавицы Елизаветы Петровны и Екатерины II. Не попадает она и в категорию популярных «антигероев», низложенных «мучеников» престола Иоанна VI Антоновича, Петра III и Павла I. Анна – явно правительница второго плана. И все же под ее скипетром Россия прожила 10 лет, и нельзя сказать, что эти годы были потерянным временем в истории страны. Главной характеристикой правления Анны, пожалуй, следует признать стабильность и стремление поддерживать престиж государства, которым она управляла. Другое дело – мифы, которые многие десятилетия сопровождали имя императрицы в исторических сочинениях. Тиражируемый в них набор оценок – «грубая» и «невежественная», «жестокие казни» политических противников, «ледяной дом» и другие низменные забавы и, конечно же, «бироновщина» и «немецкое засилье», подкрепляемые хлестким выражением В. О. Ключевского, писавшего, что при правлении Анны «немцы посыпались» в Россию «как сор сквозь дырявый мешок».

Но так ли все обстояло на самом деле? Не нуждаются ли оценки Анны в корректировке? Попробуем показать эту фигуру на троне без расхожих характеристик. И оставим самому читателю право решать с каким знаком – плюсом или минусом – стоит воспринимать императрицу Анну Иоанновну.

Государева радость

Будущая императрица всея России царевна Анна Иоанновна родилась 28 января 1693 года. Отцом был царь Иоанн V Алексеевич из династии Романовых, мать – царица Прасковья Фёдоровна, происходила из рода Салтыковых.

Отец – царь Иоанн V Алексеевич

Иван Алексеевич являлся сыном царя Алексея Михайловича и его первой супруги Марии Ильинишны Милославской и по матери доводился родным братом царю Фёдору Алексеевичу, а также многочисленным сестрам Милославским. На свет он появился 27 августа 1666 года и от рождения был болезненным и слабым, плохо ходил, страдал цингой. По этой причине Иван проявлял полную безучастность к государственным делам. Тем не менее после смерти царя Фёдора Алексеевича, сам того не желая, Иван Алексеевич стал знаменем в борьбе за престол старшей сестры царевны Софьи. Ее партия боролась с кланом родственников второй супруги царя Алексея Михайловича – царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной и их ставленником – сводным по отцу братом, 10-летним царевичем Петром. И когда Нарышкины возвели на престол юного Петра Алексеевича, Софья, подняв стрелецкое восстание, добилась объявления вторым царем 16-летнего Ивана.

Мать – царица Прасковья Фёдоровна.

25 июня 1682 года сводные братья вместе венчались на русский престол. Так появилось соправление царей Ивана и Петра Алексеевичей. Третьим правителем-регентом была сама Софья, сошедшая с политической сцены в 1689 году. Впрочем, еще до своего заточения в Новодевичьем монастыре властная царевна успела женить брата, который сам «склонности к браку не оказывал».

По обычаям московского двора Софья выбрала в супруги Ивану Алексеевичу девицу с древними дворянскими корнями – Прасковью Фёдоровну Салтыкову. Венчание молодых со всеми многочисленными обрядами прошло 9 января 1684 года. В это время царственному жениху было 18 лет, а невесте – 20. Отличавшаяся отменным здоровьем, красивая, живая и разумная молодая царица взяла в свои руки семейную жизнь старшего царя. Она умело управляла своим двором и вотчинами и не вмешивалась в противостояние придворных группировок. Эта позиция оказалась дальновидной. Когда Прасковья Фёдоровна потеряла мужа и стала вдовой, она сохранила высокое положение при дворе и добрые отношения с царем Петром I.

Цари Иван и Петр Алексеевичи. Художник Ж. Жоллен.

Но это в будущем, а пока молодая царица жила с царственным мужем в кремлевских хоромах и с 1689 года производила ему одного ребенка за другим. В семье, конечно же, ждали появления сына, что при традиционной передаче престола по мужской линии оставило бы право на трон за старшей ветвью рода – Милославскими. Однако на свет появлялись одни девочки, подряд пять дочерей. Две старшие царевны, Мария и Феодосья, умерли в младенчестве, трое младших – Екатерина, Анна, которая была четвертой по счету, и Прасковья Иоанновны – достигли взрослых лет. Екатерина, будущая герцогиня Мекленбургская и мать правительницы Анны Леопольдовны, родилась 29 октября 1691 года. Затем в 1693 году появилась наша героиня – будущая императрица Анна Иоанновна, а через год после нее 24 сентября 1694 года – самая младшая из сестер, царевна Прасковья.

В те же годы «государская радость» посещала и семью младшего царя-соправителя. У Петра Алексеевича, венчавшегося в январе 1689 года с дворянкой Евдокией Фёдоровной Лопухиной, родились два сына. В феврале 1690 года увидел свет старший печально знаменитый царевич-наследник Алексей Петрович, а в следующем году – Александр, который вскоре умер.

Несмотря на распри родственников, два молодых царя вполне ладили друг с другом и мирно делили государственные

обязанности. Царь Пётр учреждал полки, строил корабли и в 1695–1696 годах успешно ходил с войсками под Азов. Иван, окруженный патриархом с церковными властями, боярами, окольничими и прочими чинами, участвовал в многочисленных «царских выходах» – праздничных шествиях и застольях. Впрочем, восседая на двойном троне, братья вместе принимали иноземных послов и время от времени вдвоем являлись народу в церковных церемониях.

Вид Москвы. Гравюра И. А. Соколова по рисунку И. Я. Шумахера.

Рядом с молодыми царями проживали их многочисленные родственники. В 1690-е годы дом Романовых состоял из нескольких поколений. В Кремлевском дворце и загородных резиденциях, прежде всего Измайлове и Коломенском, коротали свой век живые тени прошлого – царские тетки Анна и Татьяна. Эти преклонного возраста царевны, дочери царя Михаила Фёдоровича, умерли в 1692 и 1706 годах. В дворцовых покоях своими комнатами-дворами также жили – бывшая супруга покойного царя Фёдора царица Марфа Матвеевна и вдовствующая царица Наталья Кирилловна Нарышкина, она скончалась в 1694 году. Здесь же в теремах обитали не замешанные в делах воинственной Софьи царевны-сестры Екатерина и Марья Алексеевны и родная сестра царя Петра – царевна Наталья Алексеевна. Размеренная и обеспеченная жизнь царского семейства шла по накатанной колее.

Вид на собор Спаса на Бору и Теремной дворец. Конец XVIII в.

В этой обстановке в январе 1693 года и появилась на свет царевна Анна. Местом ее рождения был Кремлевский дворец, и, вероятнее всего, его деревянные царские хоромы. По обычаям русского двора они были предназначены для холодного времени года и строились отдельно для каждого царя, царицы, царевны и царевича. Рубившиеся внутри обширного, слепленного из разных строений дворца, хоромы не просматривались снаружи, что делало жизнь их обитателей закрытой от постороннего взгляда. Летом члены царской фамилии перебирались в кремлевские каменные терема или же выезжали в подмосковные Измайлово, Коломенское и прочие государские «дворы».

Царевна Екатерина Иоанновна.

Рубеж 1680-х – 1690-х годов, на который пришлось рождение детей у братьев-соправителей, стало последним периодом, когда при появлении царских отпрысков соблюдались многочисленные обычаи московского двора. Осведомленный современник, дипломат князь Борис Иванович Куракин, писал об этом так: «И при тех рождениях последние церемонии дворовыя отправлялись как обыкновенно: патриарх и бояре, и все стольники, гости и слободы были с приносом и протчие».

Однако каким был обряд рождения царского ребенка? Как праздновали рождение царевны Анны, в которой в то время никто и представить не мог будущую императрицу всея России? Представление об этом дают краткие записи летописи дворцовой жизни – Разрядных книг.

Местом рождения Анны были комнаты царицы Прасковьи Фёдоровны и, по всей вероятности, ее крестовая палата. К радостному событию помещение богато украшали, вносили в него царское ложе – кровать с «постелей лебяжьей, взголовье лебяжье ж, на него пуховик – пух чижевой, подушка атлас, червчат», да в ногах клали «пуховое одеяло». Помещение царицы на это царское «место» проходило по традиции церемониально.

О рождении царевны Анны в Разрядах читаем: «В нынешнем в 201 году [1693] генваря против 28 числа, за два часа до света, в субботу, на память преподобного отца Ефрема Сирина, по благодати всесильного в Троице славимого Бога, великому государю царю и великому князю Иоанну Алексеевичу, всеа

Великия и Малыя и Белыя России самодержцу, от супруги его государевы от великия государыни благоверные царицы и великия княгини Параскевии Феодоровны, родися дщерь, благоверная государыня царевна и великая княжна Анна Иоанновна».

В записи опущено, что после появления на свет прямо в комнату роженицы, по обычаю, приходил царский духовник, который творил очистительную молитву, давал по святцам имя ребенку и читал колыбельную молитву. Родившуюся 28 января царевну нарекли Анной, так как на один из ближайших дней, на 3 февраля, приходился праздник святой Анны Пророчицы. За выполненные требы духовник по традиции получал от царицы драгоценный кубок, 40 соболей, шелковую камку и прочие дары.

Царевна Прасковья Иоанновна. Художник И. Н. Никитин.

Следующим этикетным шагом были смотрины. Младенца выносили в соседнюю богато убранную палату, где показывали отцу-царю и другим близким родственникам, боярыням и мамкам. После смотрин о «радости» объявляли духовным властям, московским чинам и гостям, и все они собирались в кремлевском Успенском соборе.

Как сообщают записи Разряда за 1693 год, «и того ж числа по литоргии во 2 часу дня Великие государь царь и великий князь Иоанн Алексеевич… изволил… приттить в… церковь Успения пресвятыя Богородицы. А во время его государского пришествия в

соборной церкви был великий господин святейший кир Адриан… патриарх, со всем освященным собором. И при нем великом государе… совершали молебное пение… о их государском многолетном здравии новорожденные благоверные государыни царевны и великие княжны Анны Иоанновны». В соборе для радостного случая присутствовали «царевичи, и бояре, и окольничие, и думные и ближние люди, и стольники, и судьи из приказов, и стряпчие, и дворяне, и дьяки, и гости и приказные люди… гостиной сотни и чернослободцы и иных чинов люди великое множество». После молебного пения они поздравили великого государя. Молебны в этот день шли во всех церквах и монастырях Москвы, и целый день над первопрестольным градом стоял колокольный звон.

Родинный стол в Грановитой или Золотой палате в 1693 году не устраивался. Однако по традиции в Передней палате царь Иван «жаловал… бояр, и окольничих, и думных и ближних людей кубками фряжских питей, а стольников, и генералов, и полковников стрелецких и дьяков и гостей водкою». Царь Пётр в соборную церковь и переднюю палату в этот день не выходил.

Зато он принял самое активное участие в крещении царевны, став крестным своей племянницы. По записям Разрядов, «февраля 3, в пяток, на праздник св. Симеона богоприимца и Анны пророчицы… великого государя и великого князя Иоанна Алексеевича… новорожденная дщерь… царевна и великая княжна Анна Иоанновна… приняла святое крещение… христианские веры Греческого закона». По обычаю, утвержденному еще при царе Иване Грозном, обряд проходил в церкви святителя Алексия в Чудове монастыре в присутствии всех чинов. Действо крещения царевны совершал патриарх Адриан. Восприемниками «от купели святаго крещения» стали ближайшие родственники – царь Пётр Алексеевич, одетый для праздника в «объяринный кафтан белого цвету», и старшая из благоверных царевен, великая княжна Татиана Михайловна.

«Радостного стола», как и раздачи питей и коврижек, на крестины царевны не было. Впрочем, такое умаление обрядов уже стало обычным при рождении царских детей. Зато в Передней палате дворца был совершен важный обряд московского двора – ритуальное поднесение «для поздравления» даров отцу новорожденной. Церемония состоялась в четверг сырной недели в 6-м часу дня. Святейший патриарх Адриан и власти поднесли государю «животворящие кресты господни с мощами и святые иконы во благословение; а потом подносили: золотые червонные, а кубки серебреные золочены с кровлями, и соболи сороками, и оксамиты, и бархаты, и объяри золотные, и иные дорогие и

узорчатые вещи и портища». Вслед за ними царевичи, бояре, окольничие, думные и ближние люди подносили: «кубки ж, и соболи сороками ж, и оксамиты, и бархаты, и объяри золотные, и бархаты ж, и отласы и камки и иные узорочные портища». После чинов подношения такими же вещами делали «гости, и гостиной сотни и из слобод соцкие и старосты».

Следуя дворцовому этикету, Иоанн Алексеевич велел принять у святейшего патриарха и властей животворящие кресты и святые иконы, а драгоценные дары – золотые и прочее «принять не указал». Также он поступил и с дарами царевичей, государственных чинов, гостей и земских людей, царь «пожаловал… тем подношением их по-прежнему».

Московское детство

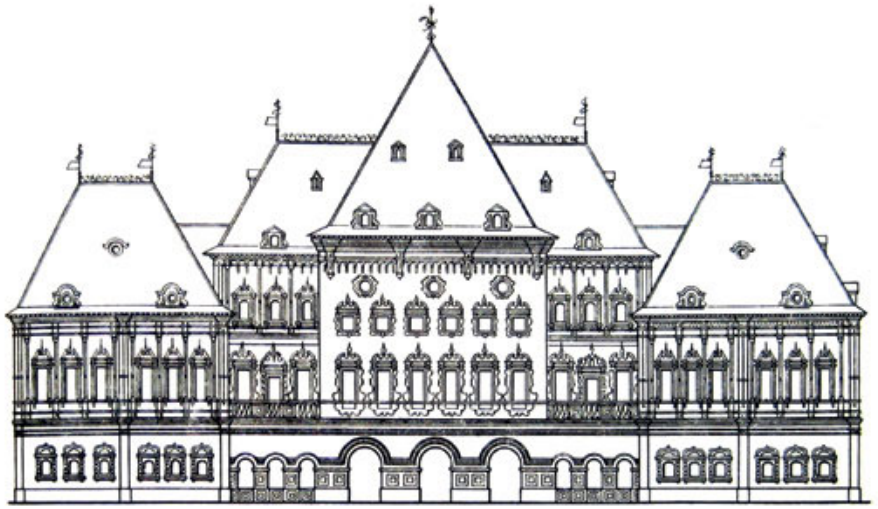
После отправления требуемых церковных обрядов и дворцовых церемоний, началась повседневная жизнь царевны в дворцовых хоромах. Маленькой Анне был назначен детский штат, в который вошли: мамка для досмотра, ею была «боярыня честная» на жалованье; кормилица, целовавшая крест и получавшая от двора наряд; бабка-лекарка для «бережения» ребенка, а также няньки и прочие служительницы. Во дворце царевне выделили собственный покой, стены которого, по описи дворца 1694 года, были обиты кожами. Здесь ребенка окружил обычный мир детских вещей, предназначенных для повседневной жизни, игр, а позже и учения.

Выход царицы. XVII в.

Среди бытовых занятий и хлопот вряд ли маленькая девочка хорошо осознавала, что в семье вскоре случилось несчастье. В январе 1696 года царь-отец Иван Алексеевич, шествуя с церковным ходом, простудился и, проболев несколько дней, 29 января скончался. Уже на следующий день с печальной процессией из церковных иерархов и московских чинов его тело было перенесено и «положено» в Архангельском соборе рядом с царственными предками. В погребальном шествии за гробом брата следовал в печальном платье царь Пётр Алексеевич. При совершении надгробного пения он «сотворил с братом своим государевым прощение… и по погребении тела его государева» с погрузившейся в горе царицей Прасковьей Фёдоровной «изволил идти в свои государские хоромы». Царевне Анне в те дни исполнилось три года.

После смерти мужа молодая вдова Прасковья Фёдоровна стала полновластной хозяйкой отписанных ей дворцов и имений,

в числе которых была и лучшая государская загородная резиденция Измайлово. Царица рачительно управляла своими вотчинами и штатом многочисленных служителей. Не чураясь новшеств, которые вводил царь Пётр Алексеевич, она стремилась удержать его расположение и, когда понадобилось, перебралась вместе с двором в Петербург. В невской столице Прасковья строила в новом вкусе дворцы и бывала в свете.



Лефортовский дворец. Архитектор Д. В. Аксамитов. Реконструкция Н. Н. Соболева.

Лояльная к своим царственным родственникам и светским персонам, Прасковья Фёдоровна при случае могла быть решительной и жестокой. В ее биографии, написанной историком М. И. Семевским, отмечен случай, когда за год до смерти, задетая за живое, царица опустилась до собственноручного участия в пытках. Тогда Прасковье Фёдоровне требовалось вернуть письмо, написанное ею к фавориту, другу любезному Василию Алексеевичу Юшкову. Случайно оброненное, оно попало в руки подьячего Деревнина, ранее ведавшего царицыной казной и не пожелавшего сознаться в находке. Эта история окончилась для служителя 18-дневным содержанием в оковах в застенках двора самой царицы, а когда эта мера не помогла, следствием в Тайной канцелярии по срочно заведенному делу о хищении денег. Лично явившись в канцелярию, царица к удивлению много видевших на своем веку тюремщиков в гневе сама до крови избивала подьячего тростью и жгла ему бороду свечой, изуродовав лицо. Бурными романами жизнь Прасковьи отмечена не была. И, быть может, именно поэтому угроза огласки ее позорной связи вызвала такое

разъярение. Эпизод с письмом хорошо показывает властный характер царицы, внешне соблюдавшей требуемое благочестие и требовавшей его от других.

Находясь в Москве, Прасковья Фёдоровна жила зимой в Кремле, где после пожара 1696 года, превратившего в пепел царские деревянные хоромы, занимала каменный Теремной дворец. Лето вместе с дочерьми и другими царицами и царевнами проводила в подмосковном Измайлове. Эта обширная «увеселительная» резиденция, созданная царями Алексеем Михайловичем и Фёдором Алексеевичем, оставалась в 1690-е – 1700-е годы любимым местом пребывания высочайшей фамилии. В окруженном благоухающими садами и прудами Измайлове на острове, опоясанном речкой Серебровкой, был построен каменный дворец-каре с башнями и голландскими курантами. Рядом располагались деревянные хоромы, пятиглавый Покровский собор, многочисленные поварни, медоварни и прочие службы. Здесь же находились зверинец с диковинными питомцами, пчельники, Стеклянный завод с мастером-итальянцем, производившим хрустальные кубки с государскими вензелями, мельницы и пр.

Измайлово. Художник И. Ф. Зубов. Справа за мостом дворец Прасковьи Фёдоровны.

Царские апартаменты, полные служителей и служительниц, были украшены поставцами с драгоценной посудой, зеркалами, шандалами для освещения и различной мебелью. Сытный,

Хлебенный и Житный дворцы поставляли многочисленные «естры и питья» на высочайший стол. Из Мастерской царицыной и Оружейной палат присылались изготовленные там одежды: праздничные из драгоценных золотных, серебряных и шелковых тканей и повседневные из тканей попроще. В гардеробе маленьких царевен-сестер сначала были старомосковские шляпы, столбунцы, шапки, а с 4 лет – дорогие венцы и короны с жемчугом, яхонтами и финифтью; из платья девочки носили телогреи, летники, роспашницы, опашни, кортель – зимнюю меховую одежду, шубки и пр. Однако, подрастая, дочери царицы Прасковьи Фёдоровны вместе со всем двором оделись по последней французской моде в платья с лифами и стали носить европейские головные уборы.

Вид Кремлевского дворца с Боярской площадкой и Теремным дворцом.

При воспитании детей особое внимание уделялось их приобщению к православным обрядам. Малолетние царевны и царевичи имели особого крестового попа, который исправлял комнатные службы. На Рождество к детям приходил славить царский духовник, посещавший их и на Пасху. Подрастая, царевны почти ежедневно слушали заутрени и обедни в дворцовых церквах. Повседневными занятиями их стало рукоделие, вышивание шелками и золотом. Летом царевны

гуляли с боярынями и верховыми девушками в садах, по праздникам смотрели хороводы у государевых хором, зимой катались с горок, на лыжах и салазках. В комнатах веселили царскую фамилию жившие при дворе многочисленные шуты и шутихи, карлы, дураки и дуры.

Особый детский мир царевен составляли игры и забавы. Комнаты девочек были полны резными птичками, барашками, собачками, возками и другими деревянными игрушками, потешными куклами с одеждами, куклами механическими и пр. Были у царевен и музыкальные инструменты, домры и цимбалы, для подвижных игр им дарились мячики, санки, устраивались качели. С первых лет жизни в комнаты царевен приносились немецкие печатные листы-картинки, гравюры и акварели, а с полутора лет для них по заказу писали и переплетали потешные книги, открывавшие ребенку живой мир, лежащий за пределами дворца.

Первое обучение царевен было традиционным, старомосковским. Учительницы-мастерицы с 5 лет учили девочек азбуке по Букварю, в 6 с половиной лет могли приступить к выучиванию Часослова и далее Псалтыри, затем учились Часы и с 11 лет – Апостол. В 7–8 лет приступали к обучению письму и церковному пению. Однако для Анны и ее сестер в обучении было внесено важное новшество. Подросших дочерей Прасковьи Фёдоровны стали обучать географии и современным языкам – французскому, немецкому и итальянскому. Французский язык, а заодно танцы и хорошие манеры пять лет преподавал царевнам француз Стефан Рамбург, «танцевальный мастер телесного благолепия и комплиментов чинов немецким и французским». Немецкому языку обучал не обладавший талантами немец Иоганн Дитрих Остерман, брат будущего российского вице-канцлера Андрея Ивановича Остермана.

Вероятно, особых успехов у Анны не наблюдалось, так как современники не заметили ее умения прекрасно танцевать и блестяще говорить на каком-либо иностранном языке. Однако они не дали и негативных характеристик талантам царевны, хотя результаты учебы очень скоро оказались востребованы в публичной жизни. В 1700-х годах московские дамы, отбросив теремные порядки, уже открыто появлялись в обществе и демонстрировали знание европейского политеса. Участницами нового общения с высокими чинами и иностранными дипломатами становились и царские дочери. Один эпизод такого церемониального общения во время пышного Полтавского триумфа описал датский посланник Юст Юль. В декабрьские дни 1709 года по заполненным народом улицам Москвы сквозь

триумфальные ворота следовали с распущенными знаменами под барабанный бой и звон колоколов победоносные русские полки. Царская семья наблюдала торжественное шествие из специально отведенного дома, куда прибыл и дипломат. Здесь произошло то, что невозможно было вообразить еще несколько лет назад. Сам царь представил Юлю свою сестру – царевну Наталью Алексеевну, вдовствующую царицу Марфу Матвеевну, царицу Прасковью Фёдоровну и трех царевен-племянниц, которым дипломат поцеловал руку. Среди последних была и 16-летняя Анна. «Молодые царевны, – написал Юль в дневнике, – при встрече с кем-нибудь тотчас протягивают руку, подымая ее высоко вверх с тем, чтобы к ним подошли и поцеловали оную». Это замечание показывает обычность для царевен ситуации официального представления и знание правил этикета. Свое впечатление о них Юль выразил следующими словами: «В общем они очень вежливы, собою ни хороши, ни дурны, говорят немного по-французски, по-немецки и по-итальянски».

Новое обучение и положение царевен в русском свете показывает, что Пётр I строил свои планы на будущее племянниц, которые разделяла и царица Прасковья Фёдоровна. Царь готовил их к брачным союзам с представителями европейских дворов. И первой в 1710 году перешла черту, порывавшую с традицией теремного безбрачия, царевна Анна Иоанновна.

Царевна-герцогиня, или Конец московского терема

Битва под Полтавой 27 июня 1709 года изменила положение России в мире. Закрепляя военный успех, страна-победительница активно вошла в «концерт» ведущих европейских государств в роли полноправной державы. Одним из последствий этого стало возобновление междинастических браков русских царевен, перевернувшее жизнь царевны Анны.

Осенью судьбоносного 1709 года Пётр I отправился в Европу, где пожинал дипломатические плоды победы. Царь возобновлял дружественные военно-политические союзы, вел переговоры о браке своего наследника царевича Алексея Петровича, в супруги которому была избрана принцесса Вольфенбюттельская (их свадьба состоялась в 1711 году за границей), и предварительно получил согласие на брак своей племянницы с молодым герцогом Курляндским. Этим брачным союзом Россия закрепляла свое присутствие в герцогстве, находившемся на перекрестке интересов сразу нескольких государств – Польши, вассалом которой герцогство являлось, Саксонии, польский король был и курфюрстом саксонским, соседней Пруссии и шведов.

Соглашение о браке было достигнуто в октябре 1709 года на встрече царя Петра и прусского короля Фридриха I. В союз должны были вступить одна из родственниц царя (ее имя пока не было определено) и герцог Курляндский и Земгальский Фридрих III Вильгельм из династии Кетлеров. Участие прусского короля в переговорах определялось тем, что по матери герцог доводился ему родным племянником.

Фридрих Вильгельм, герцог Курляндский. Художник И. Сисанг.

Молодой правитель Курляндии после смерти отца Фридриха Казимира был объявлен герцогом в 7 лет. Однако почти 10 лет юный Фридрих Вильгельм правил формально, так как до его совершеннолетия делами герцогства управляли герцогиня-мать Елизавета София Бранденбургская и дядя – Фердинанд Кетлер, проживавший в Гданьске. С начала шведской оккупации герцогства, с 1701 года, Фридрих Вильгельм с матерью находился в Бранденбурге и только в 1709 году вернулся в Курляндию. Признанный герцогским советом совершеннолетним, в 1710 году он решил жениться на русской царевне.

Окончательно вопрос о браке царевны и герцога был решен год спустя после предварительных договоренностей. Его фоном стали новые военные победы русского оружия. Тогда, летом 1710 года, Россия успешно взяла шведскую заморскую колонию – Эстляндию с Ревелем и Лифляндию с Ригой – и подошла к Курляндии. Завоеванное шведами в самом начале войны княжество легко подчинилось русским штыкам.

Присутствие Москвы в балтийском герцогстве должен был закрепить брачный союз. Родственницей царя, выбранной в супруги герцогу, стала 17-летняя племянница монарха – царевна Анна. Не отличавшаяся ни красотой, ни бойким характером невеста, руководимая дядюшкой-царем и матушкой-царицей, на изменение своей жизни была согласна. Анна и ее жених оба были

молоды и являлись ровесниками – герцог всего на полгода был старше царевны, оба в детстве лишились отцов и воспитывались матерями, и оба еще только вступали в самостоятельную жизнь. Впрочем, вряд ли царевна Анна, вступая в большую политическую игру, могла в 1710 году представить, что в дальнейшем ей предстоит не раз проявлять недюжинный характер, быть и униженно-терпеливой и с удивительной быстротой принимать важные решения.

Переговоры представителей царя и курляндского герцога об условиях брака проходили в Петербурге. С русской стороны их вели всесильный губернатор Ингерманландии, генерал-фельдмаршал князь Меншиков и вице-канцлер Шафиров, с курляндской – обер-маршал Рен и действительный советник Лау. 10 июня 1710 года они подписали брачный договор, по которому свадьба должна была пройти осенью того же года. Для России подписанный документ был первым опытом подготовки международного соглашения такого рода. В договоре, содержащем семь статей, указывалось, что «христианское супружественное сообязательство» дается для доброго союза и согласия между российским и курляндским «принципалами», что царская племянница Анна дается в супружество герцогу «с ее свободной воли и соизволения», и герцог обещает содержать ее, «любити и почитати».

Далее в коммерческой части договора утверждалось, что царь дает за племянницей «одежды, клейнот (драгоценности. – *Ред.*) и прочее» на огромную сумму в 200 тысяч рублей, из которой собственно приданое царевны составляло 20 тысяч. Герцог же обещает царевне «утренний подарок» в 10 тысяч рублей и ежегодные 15 тысяч, он же оплачивает двор герцогини, в котором будут и русские особы, «сколько ей угодно». В важном для сторон конфессиональном вопросе стороны шли на компромисс. Герцог, оставаясь в своей вере, предоставлял Анне право отправлять службы в греческой церкви, устроенной в его Митавском замке. Рожденные в браке принцы, по договору, должны были быть воспитаны в евангелической вере, а принцессы в греческой.

Наконец, последний, 7-й пункт касался, казалось бы, далеких и абстрактных для совсем молодых жениха и невесты вопросов, которые в действительности уже через полгода изучались при обоих дворах в каждом их слове, букве и запятой. Это было соглашение о правах и содержании супругов после смерти одного из них. Помимо прочего, данный пункт договора постановил, что в случае смерти герцога и при отсутствии детей вдова, при выходе в замужество, получает 200 тысяч частями за 4 года из княжеских доходов, а пока это не состоится, будет иметь по 6

процентов годовых. Также ей отходит все нажитое в супружестве движимое и недвижимое имущество, находящееся в ее личном владении. Если же бездетная герцогиня пожелает пребывать во вдовстве, то курляндской стороной ей обещаны княжеское жилище, замок и 40 тысяч рублей годовых на пропитание.

В духе новых веяний эпохи супружеству предшествовало личное знакомство жениха и невесты. Но сначала имела место европейская этикетная переписка. После заключения брачного договора Фридрих Вильгельм отправил учтивое письмо невесте и получил ответ Анны. Стоит ли говорить, что каждая строка посланий царевны-невесты писалась под диктовку сведущих лиц русского дипломатического ведомства и ее старших родственников. Анна писала: «Из любезнейшего письма Вашего высочества, отправленного 11-го июля, я с особенным удовольствием узнала об имеющем быть, по воле Всевышнего и их царских величеств моих милостивейших родственников, браке нашем. При сем не могу не удостоверить Ваше высочество, что ничто не может быть для меня приятнее, как услышать Ваше объяснение в любви ко мне. Со своей стороны уверяю Ваше Высочество совершенно в тех же чувствах: что при первом сердечно желаемом, с Божиею помощью, счастливом личном свидании представляю себе повторить лично, оставаясь, между тем, светлейший герцог, Вашего высочества покорнейшую услужницею».

Свадьба была назначена на осень в молодом, еще нестоличном Санкт-Петербурге, вдали от Москвы и ее неспокойных ревнителей старины. 13 августа герцог-жених, которому в июле исполнилось 18 лет, прибыл со свитой в Санкт-Петербург. До самого заключения брака более двух месяцев в веренице застолий и балов шло общение русского и курляндского дворов, в ходе которого будущие супруги могли видеть друг друга. Конечно, в это время молодой царевне объясняли, как следует себя вести и что, собственно, от нее ожидают. Сохранилась записка Петра I с наставлением племяннице, касавшаяся отношения к вере, русскому народу и мужу. Приоритеты были выстроены именно в такой последовательности. Царь писал: «1. Веру и закон, в ней же родилася, сохрани до конца неотменно. 2. Народ свой не забуди, но в любви и почтении имей паче протчих. 3. Мужа люби и починай, яко главу, и слушай во всем, кроме вышеписанного».

Васильевский остров. Триумфальный ввод шведских судов в Петербург 9 сентября 1714 г. после победы при Гангуте. Художник А. Ф. Зубов. В глубине – старый дворец А. Д. Меншикова, в котором проходила свадьба Анны Иоанновны.

Брачный договор, содержащий уступки в вопросах веры (он впервые допускал иноверие супруга русской царевны), встретил резко отрицательную позицию русской православной церкви. По свидетельству датского посланника Юля, царь собственноручным письмом «приглашал» для венчания в Петербург местоблюстителя патриаршего престола Стефана Яворского, однако тот под предлогом немощи отказался. Другой «приглашенный», писатель и впоследствии иеромонах Стефан Прибылович, вступил с царем в прения, пытаясь доказать невозможность браков православных с лицами других вероисповеданий. В результате бракосочетание совершал покладистый и честолюбивый архимандрит Александро-Невского монастыря Феодосий Яновский. Он не знал необходимого для венчания латинского языка (ему сделали перевод), однако полностью разделял взгляды царя Петра Алексеевича.

Свадьба Анны была сыграна в три дня – 31 октября, 1 и 2 ноября 1710 года. Ее сценарий создавался самим царем, который был маршалом-распорядителем торжества. В этой свадьбе мало что походило на царские свадебные торжества предшествующего времени.

Утро 31 октября началось с церемониального прибытия молодых и гостей к месту бракосочетания в деревянный дворец А. Д. Меншикова на Васильевском острове. Для выполнения обрядов были назначены свадебные чины. Посаженным братом и отцом жениха стали вице-адмирал К. Крюйс и сам Пётр I,

которого, однако, подменял А. Д. Меншиков, так как царь руководил церемониями как маршал. Посаженным отцом и братом невесты выступали адмирал Ф. М. Апраксин и канцлер Г. И. Головкин. Поезжанами-шаферами являлись 12 морских офицеров и 12 офицеров-преображенцев. Кроме этого, в свадьбе принимали участие многочисленные высокопоставленные гости, включая иностранных дипломатов.

Движение свадебного поезда происходило на судах по Неве под звуки музыки на нарядно украшенной барке и 50 шлюпках. Сначала царь-маршал забрал невесту и все дамское общество из дома матери царевны царицы Прасковьи Фёдоровны, затем вереница судов прибыла в отведенный для герцога дом за женихом, его свитой и русскими чинами, и после этого отправилась к дворцу князя Меншикова. Здесь на берегу участники свадебной колонной двинулись к княжеским хоромам. По обычаю жениха и невесту вели под руки ассистенты – свадебные чины. Преображенцы отдавали честь прибывшему поезду.

Свадьба карликов. Гравюра начала XVIII в.

Церковное бракосочетание было совершено в домашней часовне по русскому обряду на славянском языке с обращением к герцогу по латыни. При этом некоторые из русских обрядов, например, зажженные свечи в руках брачующихся, были отменены, так как царь старался не досаждать герцогу этими «странными, чуждыми обрядами».

Сразу после таинства венчания во дворце начался пир.

Новобрачные сидели под балдахином из алого бархата, украшенного по-европейски венцами из листьев бука и драгоценных камней. Гости, русские и немецкие дамы и кавалеры, разместились за несколькими столами. Ходом застолья распоряжались царь-маршал, который предлагал заздравные тосты, и 24 шафера-подмаршала, передававшие гостям чаши с вином. Каждый тост сопровождался пушечной пальбой. После кушанья начался бал. Танцевали по-польски и по-французски до двух часов ночи, и затем проводили молодых в опочивальню.

На следующий день, 1 ноября, пир дал всему обществу герцог. Под пушечную пальбу на нем было выпито 17 заздравных чаш. Затем для увеселения публики в зал внесли два пирога и установили их на столах. Когда пироги были разрезаны, из них вышли две карлицы во французских платьях с модными высокими прическами, произнесли приветствие и под музыку изящно станцевали менуэт прямо на столах. Между танцами, длившими до полуночи, прямо на Неве был сожжен великолепный фейерверк, подготовленный царем. В оформлении огненной потехи «горели» инициалы жениха и невесты, фигура купидона, сковывавшего молотом два сердца, и другие аллегорические изображения.

На заключительный день свадьбы, 2 ноября, была отдана дань вероисповеданию герцога – его придворный пастор произнес новобрачным проповедь.

В последующие дни торжества последовали пиры у герцога и русских вельмож, а затем 14 ноября шутовская свадьба придворных карликов, в которой придворное общество выступало зрителями. Карликов-гостей для праздника по указу Петра свезли со всей страны в Петербург и здесь нарядили в галунные платья и золотые кафтаны. В день венчания, прошедшего в Петропавловском соборе, в свадебном поезде во главе с карликом-маршалом и самим царем было до 60 маленьких участников. Затем во дворце Меншикова был устроен пир. В центре зала были накрыты маленькие столы с миниатюрной посудой, а по стенам устроены лавки для зрителей. Жених и невеста сидели друг против друга под драпировками и двумя зелеными венками. После застолья последовали танцы, во время которых пьяные карлики падали, ползали, давали друг другу пощечины, бранились и производили иные шутовские действия. Все это происходило под общий хохот и веселье. Иностранные дипломаты проявили неподдельный интерес к редкому при европейских дворах развлечению и оставили его описание в своих сочинениях.

Между тем в Петербурге продолжались пиры, балы и

фейерверки, устраиваемые знатными вельможами. В этих увеселениях двух дворов русские дамы показывали быстро освоенное умение вести светские беседы, танцевать, участвовать в общих застольях. Так, задолго до знаменитого указа об ассамблеях 1718 года на свадьбе Анны Иоанновны было покончено с теремным затворничеством и русские высокопоставленные дамы «вышли в свет».

Курляндская вдовушка

Через два месяца после бракосочетания в первых числах января царевна Анна Иоанновна и ее супруг герцог Фридрих Вильгельм засобирались домой, в Курляндию. Однако как только они покинули Петербург, случилось несчастье. Недалеко от города, на Кипенской мызе, 9 января молодой герцог умер. Что было причиной скоропостижной ранней смерти, точно не установлено. Злые языки говорили, что здоровье герцога подорвали бурные возлияния при русском дворе, в которых он участвовал. Так Анна внезапно стала герцогиней-вдовой небольшого немецкого герцогства, в котором никогда прежде не бывала.

Успела ли за два месяца Анна привязаться к молодому мужу, ее ровеснику, начала ли осваивать роль правящей герцогини перед окружающими, неизвестно. Два месяца – слишком короткий срок. Но только кончина герцога сразу перечеркнула все планы и надежды на будущее и поставила 17-летнюю Анну в незавидное положение. Статус вдовы, не имевшей детей-наследников, давал ей весьма скромные права, в основном представительские и финансовые. По брачному договору Анна получала незначительные доходы с разоренного войной домена Кетлеров и право постоянно жить в митавском дворце и замке. Как член правящего дома, в определенной мере она могла вмешиваться и в политические вопросы. Это право интриговать в политике герцогине обеспечивала стоявшая за ней мощная соседка Курляндии – Россия. Реальная же власть в Митаве принадлежала курляндскому дворянству, собиравшемуся на Совет, и вновь получившему властные полномочия герцогу Фердинанду. Впрочем, на руках у Анны была и козырная карта – возможность нового замужества с каким-либо представителем знатной европейской фамилии. Она придавала особую значимость молодой курляндской вдовушке. Что же касается жениха-претендента, то он получал потенциальное право на власть в герцогстве и супругу, обеспеченную приданым (7-й пункт договора!).

Анна Иоанновна.

Как же сложилась жизнь 17-летней царевны – герцогини? Первый год своего вдовства Анна провела в России, в любимом подмосковном Измайлове. А затем дядюшка-царь, оценив дипломатические выгоды нового положения племянницы, занялся устройством ее жизни на чужбине. Царь, не жалевший и своей жизни для интересов вверенной ему державы, как диктатор распорядился немецкими правами Анны. Он велел ей отправляться в Курляндию в герцогский замок и жить там, представляя Россию.

В 1712 году герцогиня выехала на чужбину и осенью прибыла к месту своей вдовьей «службы». Вместе с Анной царь отправил в Курляндию опытного дипломата Петра Михайловича Бестужева-Рюмина, который имел статус главы двора герцогини – обергофмейстера. Основной же ролью Бестужева было отстаивание прав Анны перед курляндским дворянством, которое более чем прагматично относилось к пришелице с востока, наблюдение за его политическими тяжбами с польской короной и герцогом Фердинандом.

Курляндские политические хитросплетения, действия обергофмейстера и его советы стали неоценимой школой для Анны. Наблюдая за местными тяжбами, она набиралась бесценного опыта конфликтного общения с враждебной средой, высчитывания своих шагов и обретения союзников. Все это в дальнейшем пригодилось ей уже в России. К тому же Анна

взрослела. Приехав в Митаву в 18 лет, с годами она постепенно обрела вкус к самостоятельности, что, впрочем, далось ей нелегко.

Митава.

С приездом в Прибалтику обеспеченная жизнь русской царевны закончилась. Доходы с вдовьего домена были ничтожно малы, а герцогский замок в Митаве разорен. Поэтому в первое время Анне вообще пришлось жить в мещанском доме. Спасением становились суммы, иногда поступавшие из России. Их вымаливала слезными прошениями сама Анна. Для этого она регулярно направляла письма к «дядюшке-царю», «тетушке-царице» Екатерине Алексеевне, ставшей ее заступницей, к близким престолу светлейшему князю Меншикову и другим лицам. В письмах она жаловалась на свои повседневные нужды, на постоянные «доимки», которые следовало платить, и прочие невзгоды. «Вам, матушка моя, – писала Анна к царице Екатерине Алексеевне в 1719 году, – известна, что у меня ничево нет, кроме што с воли вашей написаны штофы, а ежели к чему случей позавет, и я не имею нарочитых алмазов, ни кружев, ни полотен, не платья нарочетава… а деревенскими доходами насилу я магу дом и стол свой в гот содержать…». В результате Петербург постоянно занимался отправлением герцогине денег на одежду, «ювели», еду и прочее. Все решения об этих тратах принимал

лично царь Пётр Алексеевич, ставивший резолюции на челобитных крестницы – «быть по сему», или же полагавший, что траты не нужны.

Впрочем, униженное выпрашивание денег не может заслонить того, что огромная переписка Анны – более 300 писем! – имела и иную цель. Она постоянно напоминала адресатам о пребывающей в глухом балтийском углу митавской царевне и делала ее причастной к жизни царского дома.

В первые годы Анна тосковала по прежней жизни и в 1716 и 1718 годах даже приезжала в Россию. Затем настроения герцогини изменились, и она уже не желала покидать место своей «службы». Ситуацию усугубил конфликт с матерью Прасковьей Фёдоровной, отношение которой к Анне и раньше не было добрым в отличие от любимой дочери Екатерины, именуемой в письмах «Катюшкой-свет». Веской причиной недовольства была личная жизнь Анны. В Митаве страдающая от одиночества и неустроенности царевна сошлась с опытным, блудливым Бестужевым, который был старше ее на 19 лет. Этот «срамной» альянс вызывал возмущение праведной царицы, и она безуспешно пыталась удалить от дочери ее любезного друга, отправив в Курляндию брата Василия Салтыкова.

В последние годы жизни царицы отношения матери и дочери испортились окончательно. И в Митаву то летели письма «с гневом» и требованием признать себя виновной, то переставали идти вовсе. Только благодаря заступничеству Екатерины I, которую Анна именовала «государыней тетушкой», «матушкой-царицей», «матушкой моей», Прасковья пошла на попятную и объявила дочери прощение. «Слышала я от моей вселюбезной невестушки, государыни императрицы Екатерины Алексеевны, – писала она, – что ты в великом сумнении якобы под запрещением или, тако реши, проклятием от меня пребываешь, и в том ныне не сумневайся: все для… государыни невестушки отпущаю вам и прощаю во всем…». В октябре 1723 года царица Прасковья Фёдоровна умерла. В Петербурге прошли пышные, на европейский манер, похороны. Вдова царя Ивана Алексеевича нашла место последнего упокоения в Александро-Невском монастыре. Анны на погребении не было.

Мориц Саксонский. Художник М. К. де ла Тур.

Жалкое материальное положение, небольшой двор и скудная казна подталкивали митавскую затворницу к мысли о вторичном замужестве. На союз с курляндской вдовой в разные годы претендовали ландграф Гессен-Гомбургский, принц Ангальт-Цербский, саксонский генерал-фельдмаршал граф Флеминг, племянник прусского короля граф Карл Бранденбургский. Последний был наиболее успешным, с ним в 1718 году был даже подписан брачный договор. Однако раз за разом все шло прахом и разбивалось о политический расчет Петербурга. К тому же новый союз должен был устраивать все заинтересованные стороны. А это, кроме России, были, в первую очередь, Польша, Пруссия и курляндское дворянство. Нарушение интереса какой-либо стороны было чревато серьезным конфликтом. Так, настоящую бурю в курляндском «уезде», получившую наименование «курляндский кризис», вызвало в 1726 году сватовство самого привлекательного среди женихов графа Морица Саксонского.

Екатерина I. Художник Ж. М. Натье.

Незаконнорожденный сын польского короля Августа II стремился упрочить свое положение. Появившись в Курляндии, Мориц добился поддержки местного дворянства, был избран в герцоги и получил согласие на брак у Анны. Требовалась самая малость – одобрение Петербурга, где на троне уже была благожелательная Екатерина I. И тут все перевернулось. Русский двор не собирался терять своего влияния в Курляндии, усиливая позиции Польши. В Митаву спешно отправился князь Меншиков, неожиданно сам пожелавший занять место герцога Курляндского и Семигальского. Первая же встреча Анны и светлейшего князя Александра Даниловича разбила хрустальную мечту вдовы, и она стушевалась. Однако и Меншиков потерпел сокрушительное поражение на выборах на дворянском собрании-сейме. После этого русские отряды развернули в Курляндии настоящую охоту за удачливым графом Морицем, сопровождавшуюся перестрелками и погонями. В итоге бравый жених, бросив ворох дамских писем, счастливо бежал за границу, где во Франции его ждала блестящая военная карьера фельдмаршала и европейская слава военачальника.

В Курляндии же все вернулось на круги своя, и оставшаяся у разбитого корыта Анна Иоанновна продолжила зорко следить за стремительными изменениями при русском дворе. Как опытный политик она чутко улавливала падения одних персон и взлеты других. Менялись и сами лица на троне. Еще недавно, всего два

года назад, она отправляла своего камер-юнкера молодого Эрнста Бирона приносить поздравление с восшествием на престол матушке-Екатерине, и вот теперь, в мае 1727 года, корона оказалась на голове внука царя-дядюшки – юного Петра II. При нем сначала в фаворе был Меншиков, а затем обрели силу Долгоруковы и Голицыны с неизменным мастером интриги А. И. Остерманом. И, конечно же, со всеми этими персонами требовалось поддерживать переписку, напоминая о себе и своих нуждах.

Пётр II.

Впрочем, иногда Анна показывала и характер. В 1727 году Меншиков, раздраженный своей митавской неудачей, отозвал Бестужева-Рюмина в Россию. И тогда вослед старику, к которому Анна привыкла, в Петербург полетели прошения. В 26 письмах за июнь – октябрь, отправленных к самым разным чинам, Анна просила и требовала вернуть обер-гофмейстера, без которого дела «станут». В Петербурге же было не до нее, там шла очередная смена фаворитов и пал всесильный Меншиков. А затем поток посланий Анны прекратился. Осенью 1727 года рядом с вдовой появился новый фаворит – взошла звезда Эрнста Иоганна Бирона. С этого времени «кредит» Бестужева при герцогине был потерян, и старик отошел в сторону.

При новом императоре Анна продолжала играть прежнюю роль эпистолярной вдовушки. Теперь она обращалась к юному Петру и отправляла ему в подарок «свору собачек» для охоты,

писала к сестре императора – Наталье Алексеевне, умершей в 1729 году, князьям Долгоруковым, А. И. Остерману и другим близким к престолу лицам. При этом на упорство вечно жалующейся просительницы, ее способность самостоятельно принимать решения внимания никто не обращал.

Между тем наступил новый 1730 год. В конце января Анне должно было исполниться 37 лет. Большую часть из них она провела в Митаве. Герцогиня была уже немолода и особых перспектив в жизни не имела. Однако в эти же январские дни в далекой Москве начали стремительно происходить события, которые готовили Анне новые испытания и ошеломляющий поворот судьбы.

1730 год. Путь к короне империи

19 января 1730 года трон Российской империи стал вакантным. В Лефортовском дворце на Яузе в 1-м часу пополуночи скончался 15-летний император Пётр II. 6 января, как обычно, он присутствовал на крещенском параде на Москве-реке и шел во главе Преображенского полка. День был морозным, ветреным, и император сильно простудился. Болезнь – воспаление легких – протекала тяжело, а вскоре проявились и признаки оспы. Через две недели внука Петра Великого не стало. Последняя фраза, произнесенная им уже в бреду, была связана с воспоминанием о любимой сестре Наталье Алексеевне, умершей год назад: «Запрягайте сани, хочу к сестре».

Большая корона Анны Иоанновны. Из коронационного альбома.

Во время болезни во дворце постоянно дежурили члены Верховного тайного совета. С тревогой они следили за ухудшением состояния молодого императора и после его кончины оказались перед тяжелым выбором. Как высшее государственное учреждение Верховный тайный совет должен был распорядиться бесхозной короной Российской империи. Фигуры преемника, однозначно определяемой ближайшим родством и традиционными взглядами на предпочтительность мужского правления, не было. Отсутствовало и само ясное законодательство о наследовании престола, которое бы четко

указывало на очередность персон, которые могли занять трон. Закон о престолонаследии, принятый Петром I в феврале 1722 года, отменил передачу престола по прямой мужской линии и предоставил назначение наследника воле правящего лица. Таким образом, на трон мог взойти любой представитель династии Романовых. Однако перед смертью Пётр II не назвал имени своего преемника или преемницы. Правда, можно было опереться на завещание, оставленное Екатериной I в 1727 году. В нем оговаривался порядок престолонаследия относительно имеющихся в наличии родственников. По воле Екатерины престол передавался внуку императора-преобразователя Петру II Алексеевичу. В случае его смерти, если он не оставит наследников, а именно такой случай имел место в 1730 году, престол должен был перейти к дочерям Петра Великого и Екатерины I – Анне Петровне и Елизавете Петровне. Таким образом, дочери царя Ивана Алексеевича от возможности получить власть отстранялись.

Дмитрий Михайлович Голицын.

Завещание Екатерины I было передано на хранение канцлеру Г. И. Головкину и вице-канцлеру А. И. Остерману, которые при этом дали клятву следовать воле императрицы. Однако к 1730 году расстановка сил при троне изменилась, и документ 1727 года не означал ровным счетом ничего. Он не был известен подданным, а политические силы, стоявшие за цесаревнами,

исчезли или потеряли силу. Реальная же власть в момент кончины юного Петра II была у членов Верховного тайного совета. Этим персонам, именуемым верховниками, и предстояло выбрать наследника.

Верховный тайный совет, созданный при Екатерине I в 1726 году, решал все важнейшие вопросы жизни страны, встав над Сенатом, который утратил определение «Правительствующий». В период малолетства Петра II, по завещанию Екатерины I, Совет имел власть, равную власти государя.

Михаил Михайлович Голицын.

Смена первоначального состава Верховного тайного совета, куда входили Меншиков, Апраксин и другие петровские выдвиженцы, привела к тому, что в решающий день 19 января 1730 года в нем доминировали двое князей Голицыных и трое князей Долгоруковых. Причем двое, генерал-фельдмаршалы и главы гвардейских полков – Михаил Михайлович Голицын и Василий Владимирович Долгоруков – были срочно введены в его состав уже в ходе самого решающего заседания. Кроме указанных двух княжеских фамилий в совет входили главы Иностранной коллегии канцлер граф Г. И. Головкин и вице-канцлер А. И. Остерман. Таким образом, вместо пяти членов совета появилось семь. Все эти люди были видными сановниками империи, имевшими за плечами опыт участия в государственном управлении.

Василий Лукич Долгоруков.

Дмитрий Михайлович Голицын, в прошлом комнатный стольник царя Петра Алексеевича, в молодости изучал военное дело в Италии, затем побывал в роли посла в Турции и стал участником сражений Северной войны. На статской службе он занимал должности главы Камер-коллегии, киевского губернатора, сенатора и, наконец, президента Коммерц-коллегии. Человек обширных знаний и опыта, по отзывам современников, был честен и жесток.

Его младший брат, Голицын Михаил Михайлович-старший, являлся прославленным полководцем Северной войны. Участник многих сражений, в Полтавской битве он командовал гвардией и вместе с князем Меншиковым преследовал противника до Переволочны, а затем блестяще показал себя в морских сражениях при Гангуте и Гренгаме. В 1730 году Михаил Михайлович являлся сенатором и президентом Военной коллегии.

Василий Владимирович Долгоруков. Художник Г. Х. Грот.

Что касается клана Долгоруковых, то его главой был князь Алексей Григорьевич – гофмейстер русского двора, отец фаворита императора князя Ивана Алексеевича. После длительной жизни в Варшаве и поездки в Италию Алексей Григорьевич служил смоленским губернатором, президентом Главного магистрата и сенатором. Назначенный воспитателем юного Петра Алексеевича, князь руководил его учебой и развлечениями, поощрял страсть к охоте и застольям с винными возлияниями. Интригами Алексей Григорьевич подготовил брак императора со своей дочерью – княжной Екатериной Алексеевной. Торжественная помолвка императора состоялась 30 ноября 1729 года, а само заключение брака предполагалось провести 19 января 1730 года, в тот самый день, когда император умер.

Иван Алексеевич Долгоруков.

Другой член Верховного тайного совета – Василий Владимирович Долгоруков – являлся блестящим петровским военачальником, в Полтавском сражении командовал Преображенским полком, который затем и возглавил. В 1718 году как сторонник царевича Алексея Петровича князь был сослан в Соликамск, однако затем, к коронации 1724 года, прощен. При Екатерине I Василий Владимирович командовал войсками на Кавказе. Генерал-фельдмаршал с 1728 года, он заслуженно пользовался авторитетом в армии. По отзыву современника (де Лирия), князь был храбр, честен и не умел лукавить. Князь «жил пышно, не восставал против иностранцев, хотя и не любил их. Он делал честь своей родине, но, к сожалению, предавался постыдной гордости».

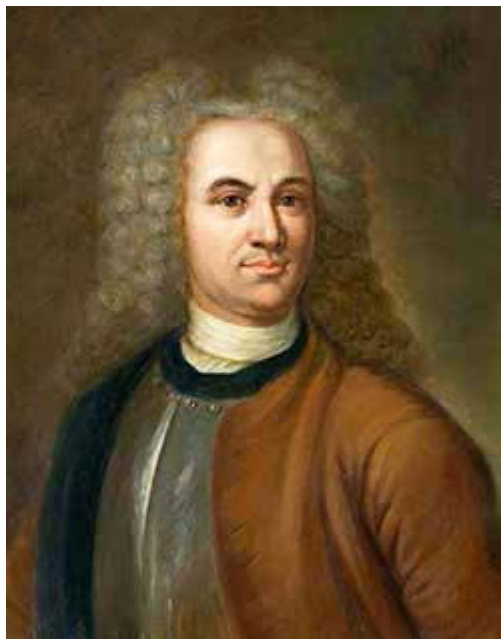
На ином поприще проявил себя Василий Лукич Долгоруков. Блестящий дипломат, с 1707 года он много лет представлял интересы России в Польше, Дании, Франции и Швеции. В 1723 году, находясь в Петербурге, был членом Сената. Постоянно жил в России с 1727 года. По отзыву современника, князь «был умен и недурен собою… хорошо говорил на многих языках, и с ним можно было ужиться; но вместе с сим он очень любил взятки, не имел ни чести, ни совести и способен был на все по корыстолюбию».

Семён Андреевич Салтыков.

Дополняли Голицыных и Долгоруковых в Верховном тайном совете главы Иностранной коллегии. Граф Гаврила Иванович Головкин был троюродным братом и сподвижником Петра Великого. В юности стольник и верховный постельничий, с 1706 года Головкин ведал посольским делами, в 1709 году стал первым российским канцлером, а в 1720 году – президентом новосозданной Коллегии иностранных дел. Императрица Екатерина I доверила ему свое духовное завещание, назначив опекуном наследника Петра II. Известный мемуарист голштинский камер-юнкер Ф. В. Берхгольц писал: «Головкин – высокий, очень худой человек, одевающийся как можно хуже, почти как лицо низшего сословия, он чаще всего носит старый костюм серого цвета». Живописуя канцлера, владевшего 20 тысячами крепостных, мемуарист сравнивал его со «скупцом» из французской комедии и отмечал, что его «старуха жена… еще скупее его!» Впрочем, знаменитая скаредность Головкина объяснялась тем, что один из богатейших людей страны родился в семье, владевшей всего 5 крепостными.

Особую силу в управлении государством и при дворе имел товарищ президента коллегии – петровский выдвиженец Андрей Иванович (Генрих Иоганн Фридрих) Остерман. Обрусевший вестфалец, сподвижник Петра Великого прибился к свите царя в 1704 году за границей, будучи беглым студентом. Пётр I быстро оценил исключительные способности Остермана. В 1720-е – 1730-

е годы Андрей Иванович участвовал в разработке важных законодательных документов, среди которых была петровская Табели о рангах, и фактически руководил внешней политикой России. Вместе с графом Я. В. Брюсом он заключил Ништадтский мирный договор, завершивший войну со Швецией. При Екатерине I Остерман получил чин вице-канцлера и стал вторым воспитателем великого князя Петра Алексеевича. Свое положение во власти он сохранил после падения А. Д. Меншикова.



Василий Никитич Татищев.

Все названные члены Верховного тайного совета принимали участие в заседании 19 января. Кроме них, в момент кончины императора во дворце «случились быть» «генерал фельт маршалы, также духовный Синод, Сенат, генералитет и прочие воинские и гражданские чины до брегадира». Они также ожидали выздоровления или печальной развязки опасной болезни императора.

Среди бывших во дворце знатных персон, не являвшихся верховниками, следует отметить других членов клана Долгоруковых и, прежде всего, князя Ивана Алексеевича. Фаворит юного императора, молодой князь вырос в Варшаве. Приехав в Россию в 1723 году, он сделал головокружительную карьеру. Гофюнкер императорского двора, в 1728 году получил чин генерала от инфантерии и обер-камергера, а в 1730 году стал майором Преображенского полка. По отзыву современника (де Лирия),

князь Иван Алексеевич «отличался только добрым сердцем… Ума же в нем было очень мало… зато много спеси и высокомерия… и никакого расположения к трудолюбию; любил женщин и вино; но в нем не было коварства…».

Императрица Анна Иоанновна разрывает «кондиции». Художник Шеле.

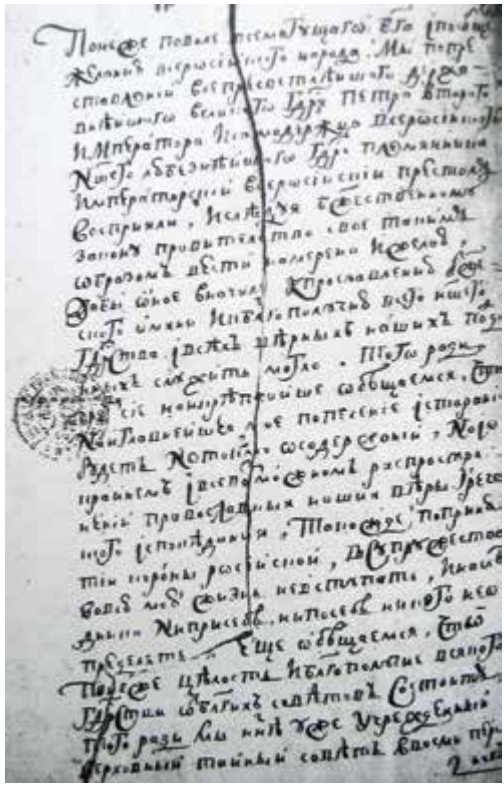
Заседание верховников началось прямо ночью, после кончины Петра II. Рядом еще остывало тело умершего подростка-императора, а в соседнем покое дворца шло обсуждение, кого объявить новым правителем России.

Идея сделать наследницей престола бывшую невесту усопшего Екатерину Алексеевну Долгорукову была отклонена из-за резких возражений князя Д. М. Голицына. Возможность такого решения основывалась на завещании в пользу государевой

невесты, которое во время болезни императора составили Алексей Григорьевич, Сергей Григорьевич и Василий Лукич Долгоруковы (последний, кстати, на заседании высказался за кандидатуру Анны). Документ не был подписан императором. Правда, был второй экземпляр, на котором вместо Петра «шутя» поставил подпись «под его руку» брат невесты князь Иван Алексеевич Долгоруков.

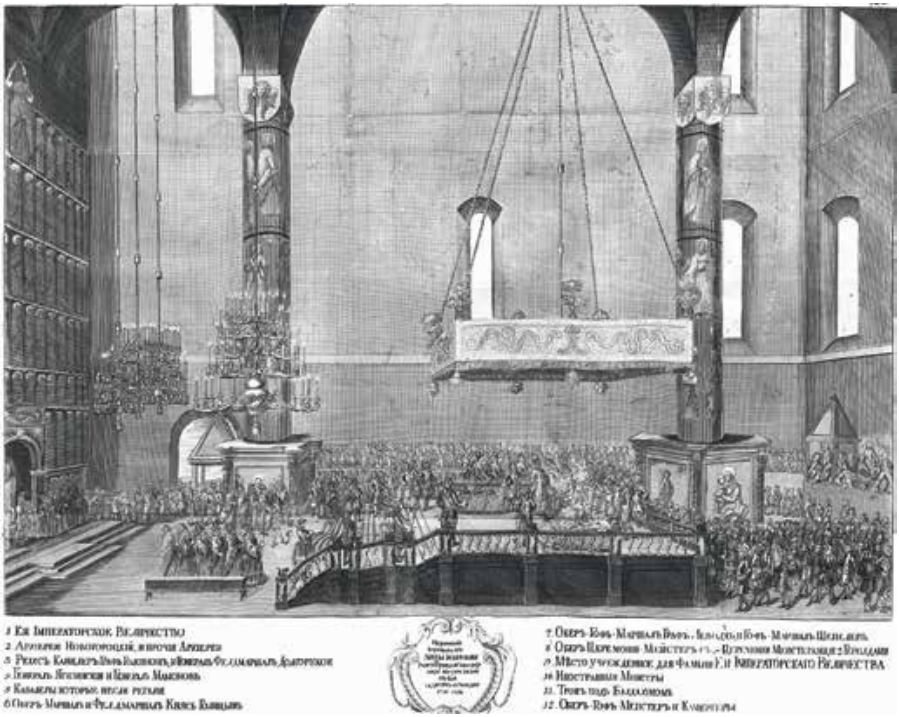
Затем стали выбирать претендента на престол из числа членов высочайшей фамилии Романовых. В начале 1730 года в нее входили шесть персон, из которых четверо, все женщины, жили в России в Москве, а двое – за границей. При этом практически каждая из кандидатур имела свои изъяны.

Находившаяся в Москве дочь Петра Великого, 20-летняя цесаревна Елизавета Петровна, была для верховников слишком молода. Ветреная и любящая развлечения, дочь царя-преобразователя в январе 1730 года, когда решалась судьба империи, была занята последствиями своего «позорного обмена любезностями с человеком простого происхождения». Цесаревна, которая не была благоразумна, как это подобает «принцессе крови», не подходила и еще по одной причине. При обсуждении ее кандидатуры верховники вдруг вспомнили, что Елизавета появилась на свет до брака родителей, то есть была незаконнорожденной. То, что она упоминалась в духовной матери-императрицы, в сложившихся обстоятельствах было забыто.



«Кондиции», разорванные Анной Иоанновной. Фрагмент.

Старшая дочь Екатерины I, цесаревна и герцогиня Голштинская Анна Петровна, умерла весной 1728 года в Киле. Ее сын, полуторагодовалый младенец принц Карл Петер Ульрих, являлся единственным мужским представителем династии после кончины Петра II. Однако его кандидатура угодна не была. Принц-младенец жил в Киле при своем отце герцоге Фридрихе Вильгельме Голштинском, который из-за непомерных претензий на русский престол и интриги был выслан за границу еще в 1727 году.



Коронация Анны Иоанновны. Церемония в Успенском соборе 28 апреля 1730 г. Художник Х. Вортман. 1732 г. Из коронационного альбома.

По разным причинам верховниками были отклонены или вообще не рассматривались дамы венценосного семейства, находившиеся в Москве. Старшей среди них была престарелая бабка императора, царица-монахиня Евдокия Фёдоровна Лопухина, почти всю жизнь проведшая в заключении. Теперь она пребывала в Новодевичьем монастыре на покойном, обеспеченном житье и была подавлена горем от потери внуков Натальи и Петра Алексеевичей.

Что касается дочерей царя Ивана Алексеевича, то царевна Екатерина Иоанновна, живая и болтливая герцогиня Мекленбургская, для верховников была фигурой слишком активной и самостоятельной. К тому же герцогиня, проживавшая с дочерью в России после бегства из Шверина, была замужем за взбалмошным Карлом Леопольдом Мекленбургским, изгнанным из собственного герцогства и имевшим дурную репутацию в Европе. Младшая царевна, некрасивая и болезненная Прасковья Иоанновна, также не была подходящей фигурой. Она состояла в морганатическом браке с сенатором, подполковником гвардии Иваном Ильичем Дмитриевым-Мамоновым.

В силу этого удручающего семейного расклада, когда князь

Д. М. Голицын предложил избрать на престол русскую царевну и герцогиню Курляндскую Анну, ее кандидатура оказалась поддержана почти единодушно. Против высказался только князь Алексей Григорьевич Долгоруков. Руководствуясь своими интересами, члены Верховного тайного совета желали видеть на троне послушную, незначительную, но с хорошей родословной персону. Всем этим требованиям соответствовала немолодая «сирая» Анна Иоанновна.

В 8 часов утра решение о приглашении на престол Анны было оглашено собравшимся во дворце. Это позволило сделать в протоколе запись о расширенном принятии важного государственного решения. Она гласила: «Верховный тайный совет, генерал фельдмаршалы, духовный Синод, тако ж от Сената и из генералитета, которые при том в доме его императорского величества быть случились, имели рассуждение о избрании кого на российский престол и того ради рассудили оной поручить урожденной от крови царской царевне Анне Иоанновне, герцогине курляндской».

Однако протокол заседания Совета зафиксировал не только избрание претендентки на престол. В нем также было отмечено, что совет в присутствии генералов-фельдмаршалов сочинил «кондиции», «как ей государыне… правление иметь», и приводился их полный текст.

Подробности принятия кондиций в протокол внесены не были, но попали в следственное дело князей Долгоруковых 1739 года. Тогда на допросе с пристрастием Василий Лукич припомнил следующее. Когда вопрос о выборе царевны Анны был решен, князь Д. М. Голицын высказал свои сокровенные мысли, предложив «воли себе прибавить». Сомнение в успехе предприятия сразу высказал В. Л. Долгоруков: «Хотя и зачнем, да не удержим этова». Однако Д. М. Голицын продолжил: «Право де удержим. Буде воля ваша, только де надобно, написав, послать к ея императорскому величеству пункты».

Далее идея ограничения самодержавия новой императрицы получила воплощение в разработке конкретных пунктов-запретов. Так появились на свет «кондиции», позже названные Анной «коварными письмами». Ограничительные условия правления в пользу Верховного тайного совета, на которых Анна приглашалась на престол, верховники составляли и правили в течение ночи и следующего дня. В итоге в тексте к благополучию государства и всех верных подданных императрица «наикрепчайше обещала» обеспечить «всевозможное распространение православные нашея веры» и после принятия российской короны «в супружество во всю мою жизнь не вступать»

и «наследника ни при себе, ни по себе никого не определять». Далее она обещала содержать «уже учрежденный Верховный тайный совет в осьми персонах» и без его согласия не принимать решения по следующим вопросам: «ни с нем войны не всчинать; миру не заключать; верных наших подданных никакими новыми податьми не отягощать; в знатные чины, как в статцкие, так и в военные, сухопутные и морские, выше полковничья ранга не жаловать, ниже к знатным делам никого не определять, и гвардии и протчим войскам быть под ведением верховного тайного совета», без его совета Анна не могла производить «в придворные чины как русских, так и иноземцов». Кроме этого императрица обещала: «у шляхетства живота и имения и чести без суда не отимать»; «вотчины и деревни не жаловать»; «государственные доходы в росход не употреблять и всех верных своих подданных в неотменной своей милости содержать». Оканчивался документ угрозой – если обещанное императрица «не исполнит и не додержит», то будет лишена «короны росиской».

Иными словами по кондициям отныне монархине было нельзя вступать в брак и определять наследника, самой ей, без согласия Верховного тайного совета, запрещалось: объявлять и прекращать войны, вводить налоги, жаловать высшими военными, статскими и придворными чинами своих подданных, казнить своими указами дворян, отнимать и жаловать им имущество (все это подлежало суду), распоряжаться казной. Что ж оставлялось монархине? Фактически лишь представительные функции.

Вслед за этим верховниками для Анны было подготовлено письмо и протокол с кондициями. В письме сообщалось, что избрание императрицы проводилось Советом «и духовного и всякого чина свецкими людьми», но ни слова не говорилось о том, что присутствовавшим во дворце не сообщили о кондициях, то есть об ограничении самодержавия новой монархини в пользу верховников.

К вечеру 19 января все документы были готовы и без задержки, тайно отправлены в Курляндию с делегацией, состоявшей из опытного дипломата В. Л. Долгорукова, сенатора М. М. Голицына-младшего и генерала М. И. Леонтьева.

Действовать приходилось быстро и скрытно. Анна не должна была узнать о происходящем в Москве от других лиц, среди которых могли быть противники верховников, и поэтому заставам города было запрещено выпускать из первопрестольной лиц без выданных правителями паспортов. С другой стороны, следовало предотвратить широкое обсуждение в московском обществе вопроса ограничения прав престола. Захват власти небольшой группой сановников мог вызвать недовольство сторонников

самодержавия, которое проявилось уже в первые дни после создания кондиций. В Митаву одновременно с послами Верховного тайного совета в обход запретов и кордонов от знавших «тайну» лиц из Москвы скрытно были отправлены еще два курьера. Их целью было известить Анну о происходящем и противодействовать официальной делегации.

20 января от обер-прокурора П. И. Ягужинского, являвшегося зятем члена Совета Г. И. Головкина, поспешил в Митаву камер-юнкер П. С. Сумароков. Ему было поручено сообщить Анне о ее избрании и принятии кондиций без народного обсуждения. Другого посланника-скорохода, одетого в крестьянское платье, отправил камергер граф Левенвольде в лифляндское поместье к своему родственнику, а уже тот поспешил в Митаву и за сутки до прибытия депутатов Совета известил Анну о произошедшем в Москве. Передал он и совет подписать кондиции, которые при необходимости можно будет и разорвать.

Делегаты Верховного тайного совета прибыли в Митаву 25 января в 7 часов вечера. Сразу по прибытии В. Л. Долгоруков и М. М. Голицын-младший получили аудиенцию, на которой Анна «узнала» о московских событиях и избрании императрицей. В ответ сначала она «изволила печалитца» о смерти молодого императора, потом велела прочесть кондиции «и, выслушав, изволила их потписать своею рукою»: «По сему обещаю все без всякого изъятия содержать. Анна». В этот исторический момент депутаты не могли знать, что абсолютная русская монархия ограничивается ими ровно на один месяц, именно столько новая форма правления продержится в России.

Что же происходило дальше? 26-го числа послы отправили Совету донесение о принятии Анной условий. В этот же день на улице в Митаве был узнан и арестован Сумароков. 28 января с кондициями и арестантом из Курляндии выехал генерал-майор М. И. Леонтьев. 2 февраля письмо императрицы и кондиции были обнародованы в Кремле, и после допроса Сумарокова арестован П. И. Ягужинский и лица его окружения.

Портрет императрицы Анны Иоанновны. Художник Л. Каравак.

Между тем Василий Лукич, выполняя поручение Совета, неотлучно находился при новой императрице. 29 января Анна Иоанновна выехала в Москву с огромным поездом из нескольких сот подвод и свитой из 63 человек. Ее нового фаворита, Э. Бирона, среди поезжан не было. Верховники, уже имевшие представление о характере этого любимца, запретили его приезд в Москву. Зато в карете с монархиней ехал маленький сын фаворита, родившийся в 1728 году и живший при Анне.

Современники поговаривали, что это ребенок самой Анны, воспитывавшийся в семье Бирона. Путь новоизбранной российской императрицы пролегал через Ригу, Печерский монастырь, Псков, Новгород, Тверь и еще целый ряд городов и деревень. В дороге Анна Иоанновна принимала парады, приветствия местных властей, слушала в храмах молебны.

К Москве императрица прибыла 10 февраля и остановилась в селе Всесвятском. На следующий день по указанию Анны состоялось погребение Петра II, тело которого было выставлено в траурном зале Лефортовского дворца. 11 февраля с печальным шествием его перенесли в Кремль и «положили» у Михаила Архангела. За гробом усопшего из высоких родственников шли только цесаревна Елизавета Петровна и царевна Екатерина Иоанновна.

Анна тем временем пребывала во Всесвятском под плотной опекой Василия Лукича Долгорукова. Только иногда Анну навещали ее родственники, и прежде всего сестра Екатерина Иоанновна, придворные дамы и некоторые высшие чины. 14 февраля ее официально приветствовали с прибытием верховники. На следующий день Анна совершила публичный въезд в столицу. Как писали «Ведомости», 15 февраля императрица «изволила пред полуднем зело преславно, при великих и радостных восклицаниях народа в здешний город свой публичный въезд иметь». У триумфальных ворот императрицу приветствовали депутаты от дворянства, купечества и духовенства, яркую речь произнес глава Синода архиепископ Феофан Прокопович. Въехав под пушечную пальбу в Кремль, императрица обосновалась в Кремлевском дворце, где три дня провела в празднествах.

На фоне этой пышной церемониальной жизни в Москве бурлили политические страсти. Публикация 2 февраля известия о принятии Анной престола и кондициях взбудоражила московское общество, ограничение власти государыни дворянство не одобрило. Возмущенные возгласы и вопросы князь Д. М. Голицын умело погасил, предложив дворянству самому сочинять проекты по государственному устройству и подать их в Верховный тайный совет на рассмотрение.

Дворянство взялось за перья и в считанные дни представило семь проектов управления страной, группируясь и собирая под ними подписи. 5, 6 и 7 февраля проекты были поданы в Верховный тайный совет. Наибольшую поддержку имел так называемый «проект 364-х», названный по числу лиц, его подписавших. Также были поданы проекты 15-ти, 13-ти, 25-ти и другие. Дворяне, расширяя свои права, предлагали выборность лиц правительства и других высших чиновников, введение для

дворянской службы определенных лет, отмену указа 1714 года о единонаследии, дававшего право на имение родителей только старшему сыну, отмену службы дворян с низших чинов рядовых и матросов, а также «порядочное произвождение» чинами и др. Популярной была и идея устройства правительства, не предусматривавшая существования Верховного тайного совета. Согласиться с отстранением от власти собственных персон верховники, разумеется, не могли. Для успокоения возбужденных голов они готовили свои проекты, содержащие послабления разным сословиям, однако обнародовать их не спешили.

Между тем дворянская Москва бурлила. Одни были готовы идти на компромисс с верховниками, другие требовали ликвидации Верховного тайного совета и восстановления неограниченной монархии. В числе последних находились главы Военной коллегии, часть сенаторов и президентов коллегий, статские и придворные чины, лица самых разных социальных категорий.

Очень скоро выступавшие против верховников составили две партии. Во главе одной из них стояли дядя императрицы В. Ф. Салтыков, ее двоюродный брат – майор Преображенского полка С. А. Салтыков, камергер Р. Г. Левенвольде и князь А. Д. Кантемир. На стороне Анны тайно выступил и мнимый «больной» А. И. Остерман, считавшийся теневым главой заговора императрицы. Вторую группу представляли глава Синода Феофан Прокопович и генерал-прокурор П. И. Ягужинский, помилованный по просьбе тестя верховника Г. И. Головкина. Опорой партий были офицеры, нижние воинские чины, а также рядовые дворяне, видевшие в монархе защитника против произвола «бояр»-верховников.

18 февраля масло в огонь подлило начавшееся принятие присяги новой императрице. Ее текст, из которого исключили выражения, обозначавшие самодержавие, вызвал ропот и возмущение. В дворянских головах созрел план отмены кондиций, основанием для которой могло стать прошение от всего дворянства о недовольстве действиями Верховного тайного совета.

А что в это время делала Анна, еще в Митаве знавшая, что может разорвать кондиции? Будучи в Кремлевском дворце под плотной опекой верховников, она при каждой случавшейся возможности показывала милость к гвардии, даруя чины, просимые отставки и жалованье, но, кроме этого, внимательно наблюдала за действиями приверженцев самодержавия. Сведения об их намерениях императрица получала от навещавшей ее сестры, царевны Екатерины Иоанновны, и некоторых придворных

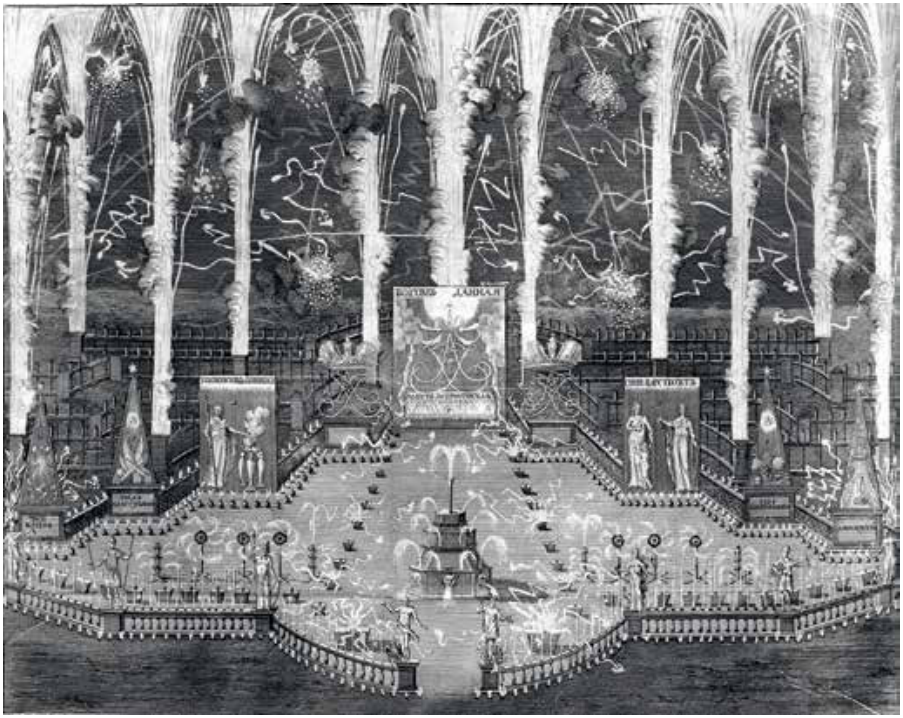
дам. Послания к Анне предприимчивые особы незаметно прятали за пазухой у малолетнего сына Бирона Карла Эрнста, которого Анна баловала и постоянно держала при себе. Игра придворных особ с ребенком подозрений у Василия Лукича не вызывала. Это дамское общение хорошо сработало и в преддверии решающих событий, произошедших 25 февраля. Этот день стал последним днем ограниченной монархии.

Накануне 24-го числа Долгоруков в поздний час покинул дворец. Ночью Прасковья Салтыкова, поддерживавшая сношения Анны с дворянской партией, предупредила императрицу, что утром ей поднесут челобитную дворянства против власти верховников. Анна, не колеблясь, предприняла шаги, обеспечившие проход делегатов во дворец. Она отдала приказ охране, подчиненной ранее В. Л. Долгорукову, слушаться распоряжений только верного ей С. А. Салтыкова, а тот удвоил караулы. Верховный тайный совет узнал о случившемся уже утром 25-го числа, когда собрался во дворце для решения текущих дел и был приглашен в аудиенц-зал.

Контроль над охраной дал свободный доступ в резиденцию делегации дворян, которая 25 февраля утром «внезапно» явилась во дворец. Судя по подписям, в ней было более 150 человек, хотя, по другим данным, вместе с военными – до 800 персон. Делегацию возглавляли Г. П. Чернышов, Г. Д. Юсупов и А. М. Черкасский. В тронном зале, куда пригласили и верховников, делегаты подали Анне документ, составленный, вероятно, В. Н. Татищевым. Но здесь оказалось, что содержание челобитной было не тем, которое ждала Анна. В прошении были только жалобы, что проекты дворян не рассмотрены и что нужно все вновь «исследовать» и учинить форму государственного устройства. Просьба вызвала замешательство императрицы, она заколебалась. В этот момент ситуацию спасла более решительная и осведомленная царевна Екатерина Иоанновна. Она настояла на подписи челобитной Анной, что и было сделано публично. Возникшая в деле заминка была исправлена спустя всего несколько часов. Представители дворянства, не покидая дворец, провели в соседних палатах совещание и в 4-м часу дня при общем собрании подали новую челобитную, в которой 162 подписанта просили императрицу принять полное самодержавие и уничтожить кондиции.

В этот момент многолюдство находящихся в зале противников подавило инициативу верховников, и они только согласно кивнули в знак одобрения прошения. Комментируя этот момент, современник, французский дипломат Ж. Маньян, писал: «Счастье их, что они тогда не двинулись с места; если б они

показали хотя малейшее неодобрение приговору шляхетства, гвардейцы побросали бы их за окно».



Фейерверк в честь коронации Анны Иоанновны 30 апреля 1730 г. Художник О. Эллигер. 1732 г. Из коронационного альбома.

После этого императрица публично «при всем народе изволила изодрать» кондиции и митавское письмо с подписью об их принятии. С этого момента Анна Иоанновна стала самодержавной правительницей России. «Сирая вдова» вышла из тени и выиграла сражение за трон. Власть верховников была упразднена, и нельзя не отметить, что в этот тяжелый, поворотный момент своей жизни Анна Иоанновна держалась спокойно, как подобает дочери царя и монархине.

Победа была одержана, но требовалась еще целая серия шагов по подтверждению легитимности власти. Первым делом было остановлено принятие старой присяги и организовано подписание второй челобитной, поданной 25 февраля. Оно началось на следующий день в Столовой палате Кремлевского дворца. До 7 марта под возвращением к абсолютистскому правлению было поставлено 2294 подписи, и это в глазах народа придало законность действиям сторонников абсолютной власти. Дворянские проекты, как и конституционные планы верховников,

ушли в небытие.

А что же верховники? На заседании 28 февраля они составили манифест о принятии Анной Иоанновной самодержавия и завершили свою деятельность. 4 марта 1730 года манифестом Верховный тайный совет был упразднен.

Между тем 1 марта началось вторичное принесение присяги чинами и сословиями империи по тексту, в котором прямо говорилось о самодержавной власти императрицы. После этого оставался последний важный шаг в утверждении на троне новой императрицы, показывающий божественную санкцию на ее власть. 16 марта вышел манифест, объявляющий о предстоящей коронации, 20 апреля – манифест о дате священного действа.

28 апреля в Успенском соборе Московского Кремля Анна Иоанновна была торжественно коронована и миропомазана на царство. Утром под звон колоколов императрица прошествовала под императорским балдахином с Красного крыльца в Успенский собор. Вместе с ней в шествии участвовало множество высших чинов и делегатов от сословий и регионов империи. В соборе был совершен полный коронационный чин со всеми церковными обрядами. Преосвященный Феофан Прокопович возложил на монархиню драгоценную мантию и великолепную имперскую корону, на изготовление которой пошло две с половиной тысячи бриллиантов и огромный красный турмалин весом более 100 граммов. Затем архиерей передал Анне Иоанновне древние символы власти и государства – скипетр и державу. При выполнении обряда миропомазания на царство, проходившего перед алтарем, по традициям Соборной грамоты императрица была помазана «на челе, на очах, на ноздрях, на устах, на ушесех, на раме на персех и по обою сторону на руках». После этого в самом алтаре было совершено причащение по царскому чину. Под звон колоколов и пушечный салют состоялся выход коронованной императрицы со всеми регалиями и под балдахином в кремлевские соборы. На этом священный обряд был завершен.

«Светский чин» коронации представлял собой 7-дневные празднества, прошедшие «зело преславно». «Радостные забавы» включали коронационный пир в Грановитой палате, 2-дневные поздравительные аудиенции, балы и застолья в Кремлевском дворце и резиденции на Яузе, раздачу памятных жетонов, угощение народа жареными быками и фонтанами с вином и, конечно же, роскошные иллюминации и фейерверки. Коронацию сопровождало множество пожалований в чины, в том числе отдельно в покоях дворца был пожалован из камергеров в обер-камергеры Э. И. Бирон. Придя к власти, Анна также щедро жаловала своим сторонникам титулы, денежные суммы и имения.

Особые милости были показаны гвардейским полкам.

Иная судьба ждала смирившихся с самодержавием князей Голицыных и Долгоруковых. По канонам политической борьбы бывших верховников следовало устранить с политической сцены. Осуществляя это, Анна действовала продуманно и жестоко. В первые месяцы своего полновластия, в апреле – июне 1730 года, по совету Остермана и братьев Левенвольде, она разбила партию Голицыных – Долгоруковых. Первые получили знаки внимания, вторые – удаление в деревни и ссылку. После этого настал черед Голицыных.

Первоначально герой многочисленных сражений князь Михаил Михайлович Голицын-старший был оставлен во главе Военной коллегии, а его супруга, Татьяна Борисовна, получила высший дамский чин обер-гофмейстерины двора. После того, как Долгоруковы были устранены, князь был отправлен в отставку и в конце 1730 года умер.

Князь Дмитрий Михайлович Голицын, инициатор приглашения Анны на престол и составления кондиций, сначала был оставлен в Москве и даже возглавил коронационную комиссию, но затем оказался в своем подмосковном Архангельском, где несколько лет провел среди коллекций и огромной библиотеки в 6 тысяч томов. Однако в 1736 году, после процесса над его зятем, князь был обвинен в заговоре, заключен в Шлиссельбургскую крепость, где и умер.

Гонения на Долгоруковых начались 8 и 9 апреля 1730 года, когда вышли указы Сенату о назначении некоторых представителей княжеского клана губернаторами и воеводами в дальние города или отправлении их в дальние вотчины. Манифест от 14 апреля о вине Долгоруковых называл причины опалы, которыми объявлялись отлучение императора Петра II от «доброго», «сговор» с целью женить его на княжне Екатерине Долгоруковой и хищения из императорского дворца. О составлении завещания в пользу Екатерины Долгоруковой тогда не упоминалось.

Медаль в честь коронации императрицы Анны Иоанновны. 1730 г.

По указу от 9 апреля князь Алексей Григорьевич, единственный верховник, выступивший против приглашения Анны, со всей семьей был сослан в пензенскую деревню. В июне по новому указу все семейство Алексея Григорьевича, включая сына Ивана и дочь Екатерину, отправилось в ссылку в Березов. В 1734 году в Сибири Алексей Григорьевич умер от горячки.

Активно составлявший подложное завещание Петра II и кондиции князь Василий Лукич Долгоруков 9 апреля был назначен сибирским губернатором, но уже 14 апреля за многие «безсовестные противные поступки» лишен чинов, кавалерий и отправлен в дальнюю деревню. 12 июня князь был отправлен в Архангельск и в августе заключен в Соловецкий монастырь.

В апреле 1730 года подверглись опале и другие члены княжеской фамилии. Сенатор князь Иван Григорьевич был отправлен в ссылку в Пустозерск, дипломат князь Сергей

Григорьевич – в крепость Раненбург, а затем в Замотринскую волость. Указом от 15 июля 1730 года все имения Долгоруковых, являвшихся одними из богатейших людей России, были конфискованы.

Верховник князь Василий Владимирович Долгоруков пережил первые репрессии, обрушившиеся на его фамилию. На заседании 19 января он высказывался против ограничения самодержавия, и в правление Анны сначала это не только спасло его, но и возвысило. При восстановлении Сената он был назначен его членом, а после смерти М. М. Голицына получил должность президента Военной коллегии. Однако резкие высказывания князя о репрессиях против его родственников привели в 1731 году к аресту и вынесению смертного приговора, замененного Шлиссельбургской крепостью. В 1737 году Василий Владимирович был переведен оттуда в Иван-город.

После первой волны преследований действия против кланов верховников, удаленных в ссылки и тюрьмы, затихли, а в случае с Сергеем Григорьевичем последовало и прощение. Однако в 1738 году начался новый виток репрессий, закончившийся жестоким разгромом княжеской фамилии Долгоруковых. В Петербург поступил донос тобольского подьячего О. Тишина о кутежах ссыльных князей и их рассказах о нравах света и «злодейственных непристойных словах» об Анне и Бироне. Упоминался в разговорах и факт составления подложного завещания императора Петра II. Началось новое расследование. В 1739 году все Долгоруковы были привезены в Шлиссельбург, где работала специальная судная комиссия, и подвергнуты пыткам. В результате четверым из них был объявлен смертный приговор. Казнь состоялась 8 ноября 1739 года на Красном поле в Новгороде. По обвинению в измене Иван Алексеевич был колесован, его дяди – Сергей и Иван Григорьевичи и Василий Лукич Долгоруковы были обезглавлены. Во время казни Иван проявил мужество и самообладание, когда тяжелое колесо дробило его голени и предплечья, он читал вслух молитвы, не позволив крика. Кротость и сила духа поразили современников.

Василий Владимирович Долгоруков после следствия 1739 года за знание о замыслах родственников о подложном завещании был отправлен пожизненно на Соловки. После прихода к власти его крестницы, Елизаветы Петровны, освободившей Долгоруковых, князь-фельдмаршал вновь возглавил Военную коллегию и умер в почете в 1746 году.

Что касается «государыни невесты» Екатерины Алексеевны Долгоруковой, то в ссылке в Березове она была заточена отдельно от семьи в остроге, а в 1739 году оказалась в томском

Рождественском монастыре. Вернувшись в Петербург при Елизавете Петровне, Екатерина Алексеевна была взята ко двору и в 1745 году выдана замуж за графа А. Р. Брюса. В том же году бывшая государева невеста скончалась.

У кормила власти

Вступив в правление Россией, Анна Иоанновна удивительно быстро освоила обязанности монархини одной из ведущих европейских держав. С первых же шагов она была готова вполне разумно выбирать лиц для высших государственных постов и рассматривать поданные ими проекты. Воплощением ярких идей преобразований свое имя Анна не прославила, однако с немецкой педантичностью поддерживала в стране порядок, сочетая русские традиции с продолжением европейских начинаний «государя-дядюшки» Петра Великого.

Какое впечатление производила Анна-императрица на современников? Б. Х. Миних отмечал, что «эта… государыня, обладала от природы великими достоинствами. Она имела ясный, проницательный ум, знала свойства окружающих ее лиц, любила порядок и великолепие». Дипломат-пиит Антиох Кантемир отмечал в монархине «мудрость премногу и сколь ей в истину расчищена дорога».

«Волынский на заседании кабинета министров». Художник В. И. Якоби.

Представитель английской короны К. Рондо писал об Анне: «Ее царское величество показала себя монархинею весьма энергичной и смелой, без этих качеств ей вряд ли бы удалось

предотвратить ограничение своей власти». По отзыву соотечественницы дипломата, Элизабет Джорджия, «ее величество высока, очень крепкого телосложения и держится соответственно коронованной особе… Она живет согласно принципам своей религии. Она владеет отвагой, необычной для своего пола, соединяет в себе все добродетели, какие можно было бы пожелать для монаршей особы. И хотя является абсолютной владетельницей, всегда милостива». Те же впечатления вынесли при общении с императрицей на придворном рауте французы. Со слов Агея де Миона: «…императрица отличалась величественным видом, прекрасной фигурой, смуглым цветом лица, черными волосами и бровями, большими на выкате глазами такого же цвета и многочисленными рябинами на лице… У нее, кажется, очень мягкий и добрый нрав…».

Гаврила Иванович Головкин. Художник И. Н. Никитин.

Эти схожие отзывы разных лиц подчеркивали внешнюю статность и величие Анны, сочетавшиеся с приветливостью и решительностью в трудные моменты. Другие, негативные оценки Анны исходили из стана врагов. Самую уничижительную характеристику оставила в своих «Записках» Н. Б. Шереметева-Долгорукова, оказавшаяся с мужем в Сибири. Императрица, с ее слов, «страшного была взору, отвратное лицо имела, так была

велика, когда между кавалерами идет, всех головой выше и чрезвычайно толста». Прямолинеен был и отзыв казненного кабинет-министра А. П. Волынского: «Государыня у нас дура, и резолюции от нее не добьешься и ныне у нас герцог [Бирон] что захочет, то и делает». Более сдержанную оценку давал еще до своего падения один из верховников, Д. М. Голицын, говоривший об Анне, что она умная женщина с тяжелым характером.

С приходом к власти этой любящей порядок даме с крепким телосложением предстояла тяжелая работа. После разброда первых месяцев 1730 года следовало укрепить аппарат управления и назначить преданных лиц на высшие должности.

Манифестом от 4 марта 1730 года, упразднившим Верховный тайный совет, вместо Высокого Сената вновь учреждался в прежнем качестве Правительствующий Сенат, о чем просило в своих требованиях дворянство. Состав Сената был определен в 21 человек. Поэтому к прежним сенаторам, В. Я. Новосильцеву, И. Г. Головкину и А. М. Черкасскому, были добавлены почти все бывшие министры-верховники, а также «за особливую службу» активные сторонники Анны, в том числе И. Ю. Трубецкой, П. И. Ягужинский и С. А. Салтыков. В 1731 году Сенат, принимавший решения по множеству текущих дел, попал под контроль Кабинета министров.

Этот новый высший правительственный орган был учрежден указом императрицы 6 ноября 1731 года как совет при ее высочайшей особе, действующий «для лучшего и порядочного отправления всех государственных дел». Кабинет состоял из трех лиц. Первоначально в него вошли Г. И. Головкин, А. М. Черкасский и А. И. Остерман. Затем после ухода некоторых персон министрами при Анне стали: в 1734 году П. И. Ягужинский, в 1738-м – А. П. Волынский и в августе 1740 года – А. П. Бестужев-Рюмин. Огромное влияние на деятельность Кабинета министров имел формально не входивший в него фаворит императрицы обер-камергер Э. Бирон.

Обширные функции кабинет-министров касались внешней политики, судебных и финансовых вопросов, назначения чинов и множества иных дел вплоть до мелких закупок вещей для дворцового обихода. В подчинение к Кабинету попали некоторые комиссии и канцелярии, в том числе Главная полицмейстерская. Коллегии отсылали ему свои отчеты. Обязанностью министров было представлять Анне Иоанновне доклады на подпись по наиболее важным вопросам и… резолюции к ним. По имеющимся сведениям, министры могли утруждать императрицу посещениями более 100 раз в году, хотя не каждый раз она их принимала. Со временем, при хорошо отлаженных действиях

государственного аппарата, необходимость в получении высочайшей апробации сократилась, и в 1735 году указом императрицы Кабинету министров было пожаловано право издавать указы, приравненные к императорским. Впрочем, это высочайшее решение не должно вводить в заблуждение. «Ленивая» Анна по наиболее важным вопросам всегда принимала решения лично, и добиться ее подписи даже любимцу Бирону подчас было непросто.

Андрей Иванович Остерман.

Рядом с Кабинетом министров продолжали действовать коллегии, приказы, канцелярии, которые возглавляли верные Анне лица. Делами Коллегии иностранных дел заправлял вице-канцлер А. И. Остерман, высшие посты в ней заняли немцы – выписанный из-за границы брат фельдмаршала Х. В. Миних, курляндцы К. Х. Бракель, Г. К. Кейзерлинг и И. А. Корф. Военную коллегию после князя М. М. Голицына-старшего и фельдмаршала В. В. Долгорукова в 1732 году возглавил фельдмаршал Б. Х. Миних. Во главе Камер-коллегии, Коммерц-коллегии, Вотчинной и других коллегий и канцелярий стояли в основном представители русских семей. С 1730 года активно менялись и главы местных администраций – генерал-губернаторы и вице-губернаторы, воеводы. Назначение на эти должности многих «подписантов» проектов 1730 года удаляло их из Москвы.

Большую власть при Анне Иоанновне, панически боявшейся

заговоров, обрела учрежденная в 1731 году Канцелярия тайных розыскных дел. Во главе ее стоял преданный генерал А. И. Ушаков. Поощряемое сверху доносительство процветало, вследствие чего за 10-летнее правление императрицы в Сибирь после следствий и застенка было отправлено порядка 20 тысяч человек, казненных же насчитывалось до 1000. Однако, по мнению исследователей, эта статистика не превышала аналогичные данные по царствованиям других Романовых. Устойчивое же представление об особой жестокости аннинской эпохи сложилось благодаря преследованию и казням представителей известных фамилий, а также лиц высшего и среднего звена управления, повинных в злоупотреблениях и взятках.

Эрнст Иоганн Бирон.

Назначения аннинского времени показывают, что большая часть высших чинов была природными русскими. Тем не менее в обществе было распространено мнение, что правит «немецкая партия». В мае 1730 года английский резидент К. Рондо писал: «Дворянство, по-видимому, очень недовольно, что ее величество окружает себя иноземцами. Бирон, курляндец, прибывший с нею

из Митавы, назначен обер-камергером, многие курляндцы пользуются также большой милостью, что очень не по сердцу русским, которые надеялись, что им отдано будет предпочтение». По мнению А. П. Волынского, высказанному летом 1730 года, «россияне» в лице С. А. Салтыкова были «несогласны» с «немцами», сильными обер-камергером Бироном, «двумя Левольдами да Остреманом» да еще курляндцами, и «сколько нашим не думать, их не пересилеют». Саксонские дипломаты также выделяли немецкий «триумвират» из Бирона, Остермана и Миниха, которому Анна даровала «первенствующее положение». И, действительно, впечатление господства иноземцев создавалось влиянием на императрицу нескольких немцев, назначенных на ряд ключевых постов в государстве.

Алексей Михайлович Черкасский.

Что же за лица были главными персонами аннинского правления?

Первой ключевой фигурой в окружении Анны, имевшей на нее практически неограниченное влияние, был захудалый курляндский дворянин Эрнст Иоганн Бирон. Митавский камер-юнкер и камергер, фаворит Анны с 1727 года, в Москве Бирон появился вскоре после самой императрицы. 6 марта 1730 года он был пожалован в камергеры русского двора, а при коронации

Анны в обер-камергеры. Затем на фаворита посыпались милости: ему были пожалованы ордена, графские титулы Римской и Российской империй, крупные суммы денег, мызы (поместья) в Лифляндии и пр. В 1737 году, после смерти последнего Кетлера, с подачи Анны Иоанновны Бирон был избран герцогом Курляндии и Семигалии. Обласкана была и семья фаворита, проживавшая во дворце и в повседневной жизни ставшая семьей самой Анны. Высокое положение при дворе получили супруга Бирона Бенигна Готлиба, в девичестве Тротта фон Трейден, его дочь и сыновья Пётр и Карл Эрнст. Младший из них считался сыном Анны Иоанновны, так как императрица держала мальчика при себе, баловала, осыпала подарками и пожалованиями. Влияние Бирона на Анну было беспрецедентно. В сущности она находилась в особой психологической зависимости от своего фаворита. «Если герцог являлся с пасмурным лицом, – писал один из мемуаристов, – то императрица в то же мгновение принимала встревоженный вид. Буде он весел, то на лице монархини напечатывалось удовольствие…».

Андрей Иванович Ушаков.

Живя во дворце и как обер-камергер ведая представлениями лиц ее величеству, Бирон цепко держал в своих руках «доступ» к императрице. Поэтому, как писал один из мемуаристов (К. Р. Берк), «иностранцы, министры и другие значительные особы», нуждающиеся в его «дружбе и протекции», по утрам

приезжали к нему с визитами, а по средам и пятницам собирались в его комнатах. Бирон же, имея только придворный чин, по отзывам современников (Х. Г. Манштейн), «в продолжение всей жизни императрицы Анны, и даже несколько недель после ея кончины, царствовал над обширною империею России, как совершенный деспот».

В обхождении с людьми, по отзыву Э. Миниха, Бирон мог, «когда желал, принимать весьма ласковый и учтивый вид, но большую частью казался по внешности величав и горд». Другой современник (Г. К. Остен) язвительно отмечал, что «когда граф Бирон говорит о лошадях, он говорит как человек; когда же он говорит о людях или с людьми, он выражается как лошадь». Впрочем, маска учтивости, как и высокомерие, не мешали временщику быть мстительным и жестоко подавлять любое недовольство своих противников. Так, в 1739 году он сыграл решающую роль в расправе над Долгоруковыми, а в 1740 году добился преследования с пытками и казнью кабинет-министра А. П. Волынского, помыслившего его оттеснить. Стоит ли говорить, что богатства империи оказались в распоряжении курляндского «лихоимца» и его семьи. Охотник до редкостей и бриллиантов, Бирон тратил огромные суммы на покупку мыз, лошадей, заведение манежей и дворцов.

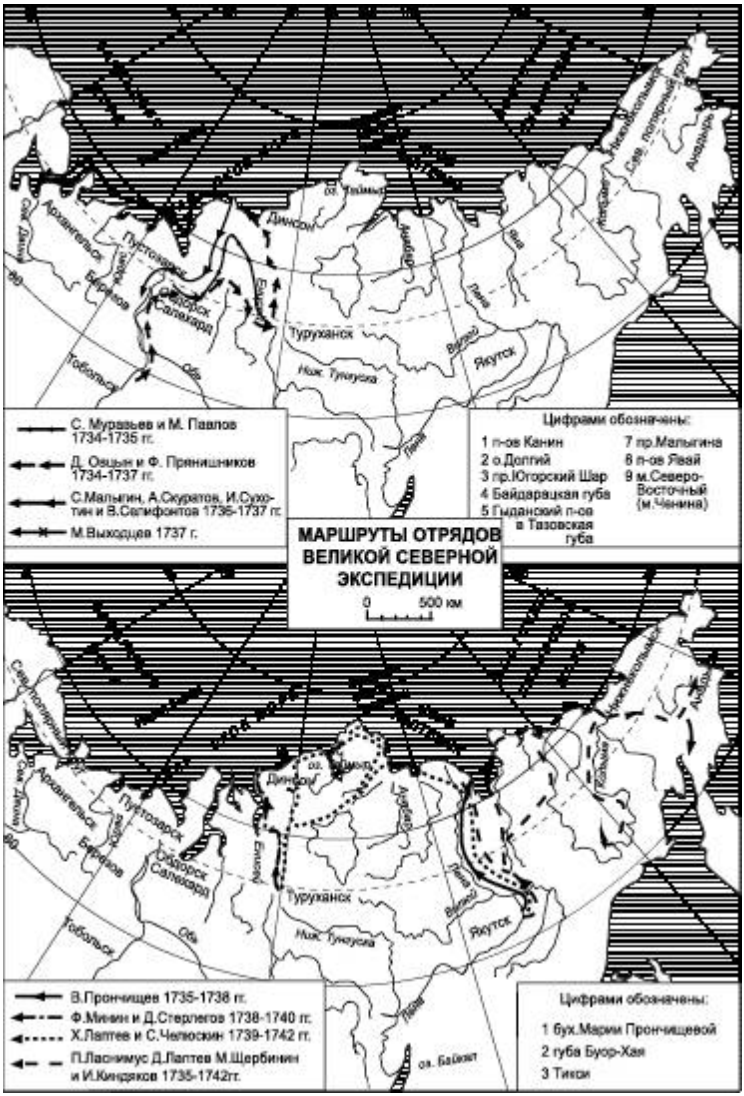
Желая сохранить власть, перед самой смертью Анны Бирон добился объявления его регентом малолетнего императора Иоанна VI и после ее кончины на несколько недель стал официальным правителем России. Однако затем последовало падение. В ночь на 9 ноября 1740 года по распоряжению Анны Леопольдовны Бирон был арестован и сослан в Пелым, а затем в Ярославль. Получив свободу в 1762 году, при поддержке Екатерины II он вновь стал герцогом Курляндским и умер в Митаве в 1772 году.

Вторым человеком и советчиком Анны Иоанновны в сложных вопросах являлся бывший член Верховного тайного совета, а теперь кабинет-министр и фактически первый человек в Иностранной коллегии и правительстве Андрей Иванович Остерман.

Артемий Петрович Волынский. Художник Г. Гзель.

Наконец, последний член немецкого триумвирата, фельдмаршал Бурхард Христиан Миних поступил на службу к Петру Великому в 1721 году. Уроженец Ольденбурга и военный инженер по образованию, он участвовал во многих войнах и, оказавшись в России, занялся строительством Ладожского канала и других инженерных сооружений. В 1730 году Миних приветствовал Анну с принятием самодержавия и получил от нее высшие воинские чины и должность главы Военной коллегии. В ноябре 1740 года фельдмаршал стал главным действующим лицом ареста Бирона, однако при Елизавете Петровне сам подвергся опале и 20 лет провел в ссылке в Пелыме. Умер в 1766 году в Петербурге.

Кроме глав в немецкой партии были и другие фигуры, примечательные своими характерами и высоким положением. Особое место в ней занимали находившиеся при русском дворе с 1720-х годов братья Левенвольде, отличившиеся своевременным извещением Анны о решении верховников. Старший, камергер Карл Густав, умерший в 1735 году, в прошлом был генерал-адъютантом Петра I и камергером Петра II. При Анне Иоанновне получил чин генерал-майора, стал командиром Измайловского полка и главой придворного конюшенного ведомства обер-шталмейстером.


МАРШРУТЫ ОТРЯДОВ ВЕЛИКОЙ СЕВЕРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
0 500 км
С. Муравьев и М. Павлов 1734-1735 гг.
Д. Овцын и Ф. Прянишников 1734-1737 гг.
С.Малыгин, А.Скуратов, И.Сухотин и В.Селифонтов 1736-1737 гг.
М.Выходцев 1737 г.
Цифрами обозначены:
1 п-ов Канин
2 о.Долгий
3 пр.Югорский Шар
4 Байдарацкая губа
5 Гыданский п-ов и Тазовская губа
7 пр.Малыгина
8 п-ов Явай
9 м.Северо-Восточный (м.Ченина)
В.Прончищев 1735-1736 гг.
Ф.Минин и Д.Стерлегов 1736-1740 гг.
Х.Лаптев и С.Челюскин 1739-1742 гг.
П.Ласиниус Д.Лаптев М.Щербинин и И.Киндяков 1735-1742гг.
Цифрами обозначены:
1 бух.Марии Прончищевой
2 губа Буор-Хая
3 Тикси
Северная Земля
Архангельск
Мезень
Пустозерск
Березов
Обдорск Салехард
Енисей
Туруханск
Нижняя Тунгуска
Тобольск
Обь
Лена
Якутск
Вилюй
Индигирка
Колыма
Анадырь
Берингов пролив
Ледовитый океан
Ледовитый океан
Баренцево море
Белое море
Карское море
Лаптевых море
Восточно-Сибирское море
Чукотское море
Берингово море
Охотское море
Японское море
Тихий океан
Тихий океан
Индийский океан
Атлантический океан
Северный Ледовитый океан
Северный полюс
Северный полюс
Гренландия
Исландия
Норвегия
Швеция
Финляндия
Канада
Аляска
Америка
Европа
Азия
Африка
Австралия
Антарктида
Антарктида
Экватор
Экватор
Гринвичский меридиан
Гринвичский меридиан
Северный полярный круг
Северный полярный круг
Северный тропик
Северный тропик
Южный тропик
Южный тропик
Южный полярный круг
Южный полярный круг
Южный полюс
Южный полюс
Земля Франца-Иосифа
Новосибирские о-ва
Новая Земля
Шпицберген
Медвежий о.
Ямал
Таймыр
Диксон
Енисей
Лена
Вилюй
Якутск

им, он был лжив и коварен… ловок в обращении, хорошо служил и умел давать блестящие при дворе праздники, наконец, в нем был ум и красивая наружность». При перевороте 1741 года Рейнгольд Густав был арестован и умер в Сибири в 1758 году.

Витус Беринг.

Глава русской партии 1730 года, родственник Анны Иоанновны по материнской линии Семён Андреевич Салтыков, сыграл важную роль в событиях 25 февраля 1730 года. Член Военной коллегии при Петре I, а затем сенатор и подполковник гвардии, в марте 1730 года Салтыков стал полным генералом и обер-гофмейстером. Однако затем он уступил свои позиции немцам. При дворе его полномочия перешли к Р. Г. Левенвольде и Э. Бирону, а с возвращением императрицы в Петербург в 1732 году он фактически был отстранен от дворцовой жизни. Оставленный в Москве, Семён Андреевич получил почетное назначение московским главнокомандующим и титул графа. В 1741 году Салтыков приветствовал вступление на престол Елизаветы Петровны, но вскоре умер.

Среди кабинет-министров правительства Анны Иоанновны, не относящихся к немецкой партии, стоит упомянуть петровского генерал-прокурора Сената Павла Ивановича Ягужинского. Родившийся в Польше и выросший в Москве, Ягужинский получил титул графа от Екатерины I и чин обер-шталмейстера от Петра II. В январе 1730 года он предпринял неудачную попытку предупредить Анну о планах верховников, за что при ее правлении сначала стал сенатором. Затем из-за ссоры с Бироном был удален посланником в Берлин, по возвращении пожалован в

кабинет-министры и умер в 1736 году.

Бессменный кабинет-министр князь Алексей Михайлович Черкасский, сенатор, знатный вельможа и обладатель огромного состояния, служивший при Петре I главой петербургской Городовой канцелярии и сибирским губернатором, в 1730 году показал себя сторонником Анны, за что получил ордена, деревни, стал членом Кабинета, а после кончины Г. И. Головкина – канцлером. По отзывам современников, «человек доброй, да не смелой», князь не участвовал в политических интригах и, сохранив свое положение при Елизавете Петровне, умер в 1742 году.

Артемий Петрович Волынский, представитель древней фамилии, упрочивший связи с правящим домом женитьбой на двоюродной сестре Петра I А. Л. Нарышкиной. При царе-реформаторе и его преемниках выполнял дипломатические поручения в Иране, Голштинии, был губернатором Астрахани и Казани. При Анне Иоанновне Волынский появился в столице в конце 1730 года и, сблизившись с Р. Г. Левенвольде и Э. Бироном, начал стремительно делать карьеру, получив генеральские чины, должность главы императорской охоты – обер-егермейстера и, наконец, в 1738 году, кабинет-министра. Однако затем, желая занять высшее место в империи, Артемий Петрович неудачно вступил в борьбу с Бироном, в результате чего по незначительному поводу против него был инициирован процесс с пытками. Натянутая трактовка родословных штудий Волынского, показывавших его родство с Романовыми, и иные надуманные поводы послужили основанием страшного обвинения в оскорблении ее величества и иных преступлениях. Анна до последнего противилась подписанию смертного договора, но уступила угрозам фаворита, требовавшего пожертвовать Волынским. 27 июня 1740 года неугодный Бирону Волынский и несколько его товарищей были казнены.

Санкт-Петербург. Проспект вниз по Неве реке между Зимним ее величества домом и Академией наук. Неизвестный художник

по рисунку М. И. Махаева.

Между тем, наблюдая за околопрестольной игрой, страна, в которой насчитывалось порядка 15 миллионов подданных, продолжала жить и трудиться. В ней действовали казенные и частные промышленные предприятия, развивалась торговля, собирались налоги, несли службу разбросанные по стране полки армии, работали учреждения культуры – Кунсткамера, Академия наук, учебные заведения.

Крупных реформ в «тихие» 1730-е годы проведено не было, но правительством был осуществлен целый ряд преобразований по улучшению положения дел в стране. Откликаясь на чаяния дворян, указом императрицы в декабре 1730 года был отменен петровский закон о единонаследии – майорате, по которому ранее имения дворянской семьи наследовал только старший сын, а остальные были вынуждены добывать себе пропитание службой. Одновременно поместья, получаемые дворянами на время службы, были приравнены к вотчинам, то есть родовым наследственным имениям. В 1736 году манифестом от 31 декабря срок обязательной дворянской службы, бессрочной со времени царя-преобразователя, был ограничен 25 годами. Послабления были сделаны дворянам и относительно начальной службы в низших чинах. Указ разрешал сыновьям всех шляхтичей, будучи записанными в службу условно сверх комплекта, от семи до двадцати лет «быть в науках» дома и только после этого начинать служить. Кроме этого, дворянам разрешалось оставлять одного из сыновей дома «для содержания экономии».

Избежать зачисления в полки солдатами, а во флот матросами помогало дворянам образование, полученное не только дома, но и в учебных заведениях. В 1731 году «грубая» Анна выступила продолжательницей просветительских начинаний дядюшки-царя Петра Алексеевича. 29 июля императрица подписала указ о создании привилегированного Сухопутного шляхетского кадетского корпуса, «дабы шляхетство от малых лет к тому в теории обучены, а потом и в практику годны были». Автором идеи учреждения корпуса был граф П. И. Ягужинский, ее практическое воплощение было поручено Б. Х. Миниху. В элитном корпусе, распахнувшем двери в 1732 году во дворце князя Меншикова на Васильевском острове, одновременно обучалось до 200 детей от 13 до 18 лет. Дворянские отпрыски осваивали здесь математику, историю и географию, иностранные языки, военные науки – артиллерию, фортификацию и прочие, а также риторику, танцы, рисование, геральдику. Став одним из очагов новой культуры, аннинское

учебное заведение дало России архитекторов, поэтов, драматургов и других деятелей культуры. При корпусе в дальнейшем действовал свой театр.

Для дальнейшего развития промышленности, «спокойствия и размножения» предприятий, в 1736 году был принят закон о прикреплении к заводам работающих там свободных мастеровых и работных людей – «быть вечно при фабриках». В марте 1739 года было обновлено горное законодательство и принят Берг-регламент, стимулирующий частное производство. Сохранив все привилегии петровского времени, он снизил плату с прибыли владельцам земель до 2 % и позволил освобождать от налогов заводчиков в первые 3–4 года деятельности их промыслов.

Подвижками в десятилетнее правление Анны Иоанновны было отмечено развитие горного дела. В 1735 году на Урале на горе Благодать было открыто крупнейшее в России месторождение магнитного железа, рядом с которым начало действовать несколько доменных заводов. Под Якутском был построен Тамгинский железоделательный завод. В результате в 1730-е годы на казенных заводах резко возросла выплавка чугуна, что позволило обогнать по этому показателю Англию и в несколько раз увеличить его экспорт.

Для улучшения коммуникаций России и оживления торговли в 1730 году Анна довела до конца строительство любимого детища Петра Великого – Ладожского канала, соединившего Шлиссельбург и Новую Ладогу. В 1731 году по каналу пошли первые суда, а затем достраивались шлюзы. Руководил работами Б. Х. Миних.

Весомый вклад в изучение России продолжала вносить Петербургская Академия наук, выступившая организатором изучения страны. В 1733 году начала свою одиннадцатилетнюю работу Вторая Камчатская, или Великая Северная экспедиция. Главой ее по указу Анны Иоанновны был назначен В. Беринг. Несколько сот исследователей, картографов, географов, геологов, биологов, астрономов, историков вели исследование побережья Северного Ледовитого океана и внутренних территорий Сибири и Дальнего Востока, собирали материал о коренных народах Сибири, прокладывали торговые пути с Америкой и Японией. В 1741 году членами экспедиции В. Берингом и А. И. Чириковым был пройден пролив между Чукоткой и Аляской, получивший имя Беринга. На западе, продолжая начатое ранее изучение Балтийского моря, его сводный атлас опубликовал в 1738 году Ф. И. Соймонов.

Целый ряд новшеств при Анне Иоанновне был введен в русской армии. Для укрепления своих связей с гвардией в 1730

году императрица учредила два новых гвардейских полка – Измайловский, названный в честь любимой царской резиденции, и Конногвардейский. Измайловцев возглавил К. Г. Левенвольде, конногвардейцев – П. И. Ягужинский. Офицерский состав полков до трети состоял из иностранцев, среди которых были два брата и сын Бирона.

Реорганизацию армии, в которой не все было удачным, проводил Б. Х. Миних. На европейский манер в войсках им была введена немецкая система обучения, составлены новые штаты, солдат одели в немецкие мундиры, приказали носить букли и косы, пользоваться пудрой. Положительным моментом стало то, что впервые было уравнено жалованье русских и иностранных офицеров.

В пехотных и драгунских полках были упразднены гренадерские роты. Усилена полевая и осадная артиллерия. В русской коннице сформированы 4 кирасирских и 5 «национальных» гусарских полков (сербский, валахский и другие). Запорожское казачество при Анне Иоанновне было принято в русское подданство. На границах была учреждена ландмилиция, строились укрепления в Выборге и Шлиссельбурге, оборонительные линии на юге и юго-востоке империи.

Европейский двор с родимыми пятнами старины

После треволнений начала 1730 года и пышной коронации во дворце наступила размеренная жизнь. Описывая придворный и домашний образ жизни Анны Иоанновны, историки сравнивали императрицу с помещицей на троне, которая привезла в Москву «малообразованный ум с ожесточенной жаждой запоздалых удовольствий и грубых развлечений». Однако, водрузившись на русский трон, Анна Иоанновна желала не просто развлекаться. Она хотела иметь блестящий двор, который бы не уступал лучшим дворам Европы, и преуспела в этом.

Архитектурным обрамлением, сценой придворной жизни прежде всего являлись императорские дворцы и сады, на которые Анна взглянула по-новому. Резиденции прежних русских монархов ее не устраивали, так как были слишком скромными. Анне требовались здания, великолепно украшенные на барочный манер, с большим внутренним пространством и полным европейским набором парадных помещений для официальной придворной жизни. Зодчий, которому предстояло воплотить в жизнь эти архитектурные мечты, был найден в самой России. Им стал молодой итальянец – Франческо Бартоломео Растрелли. Этот архитектор, прославившийся грандиозными дворцами при Елизавете Петровне, впервые блестяще реализовал свой талант в 1730-е годы при Анне Иоанновне и благодаря ей.

Вид старого Зимнего дворца императрицы Анны Иоанновны

со стороны Адмиралтейского луга (Дворцовой площади). Художник М. И. Махаев.

Сначала по высочайшему заказу в 1730 году в 58 дней он возвел для императрицы деревянные палаты в Кремле, получившие имя Зимнего Анненгофа. По реляциям самого Растрелли это был одноэтажный дворец в 130 комнат с «большой залой, украшенной многими колоннадами и отделанной лепниной, как и все парадные комнаты». В 1736 году здание перенесли на Яузу в Головинскую резиденцию, где в 1731 году Растрелли уже возвел двухэтажный Летний Анненгоф с 200 комнатами и большим залом. Рядом архитектор разбил новый сад с фонтанами и цветниками, а у моста построил манеж.

Портрет герцога Курляндского Эрнста Иоганна Бирона.

В январе 1732 года двор переехал в Петербург, и здесь началась новая страница творчества архитектора. Рядом с подготовленным для Анны дворцом адмирала Апраксина развернулось строительство выходящего на Неву и Адмиралтейский луг нового Зимнего дворца. Это грандиозное 4-этажное сооружение с мезонинами и подклетами было в основном завершено в 1733 году и окончательно отделано к 1737 году. Среди 200 комнат дворца имелись три аванзала, большой тронный зал с парадным тронным местом, галерея, украшенная зеркалами (реплика версальской зеркальной галереи!), среди парадных комнат – знаменитый янтарный кабинет и «оранжевая»

комната для малых приемов и обедов, огромная домовая церковь, придворный театр, а также парадная мраморная лестница, множество переходов, лестниц и помещений для служб двора. Все парадные комнаты были украшены живописью и прекрасной позолоченной лепкой и резьбой. В том же 1732 году Растрелли построил для императрицы в Летнем саду новый Летний дворец из 28 апартаментов с большим залом и широким спуском к реке. Кроме этого, после избрания Э. Бирона герцогом Курляндским за счет русской казны Растрелли возвел великолепные 3-этажные дворцы в Рундале и Митаве.

В качестве основной загородной увеселительной резиденции Анна использовала петровский Петергоф. В 1735 году здесь был открыт знаменитый фонтан со скульптурой «Самсон, разрывающий пасть льву», символизировавший победу России над шведами под Полтавой.

Европейский блеск просторных и роскошных дворцов и новая придворная жизнь с приемами и празднествами требовали хорошего обслуживания и правильно составленного придворного штата. Решающую роль в его формировании сыграл обер-гофмаршал Р. Г. Левенвольде. В 1731 году он создал первый европеизированный штат, то есть перечень чинов с окладами, подчиненной ему Придворной конторы. По штату впервые был сформирован и круг команд двора – фурьерской, тафельдекарской, кофишенской, кухонь во главе с выписанным из Вены метрдотелем, мундшенской и других должностей и служб. Внутри штата большого двора была выделена комната юной Анны Леопольдовны. Сначала она состояла из 19 человек, но в 1739 году, перед замужеством, штат принцессы увеличили до 84 чинов. Всего же в Придворной конторе числились на службе около 1100 человек. Другими самостоятельными подразделениями двора являлись московская Главная дворцовая канцелярия с петербургской Дворцовой конторой, ведавшая дворцовыми имениями, императорская конюшня во главе с обер-шталмейстером и охота во главе с обер-егермейстером. Особые команды составляли служители загородных дворцов.

Бенигна Готлиба Бирон.

Новая придворная жизнь требовала больших средств, и в 1733 году Анна Иоанновна росчерком пера резко увеличила ее финансирование, установив выделение из казны ежегодно «на содержание двора ее величества» огромную сумму в 260 тысяч рублей.

Кардинальные изменения претерпела официальная жизнь двора, превратившаяся в круглогодичную вереницу празднеств и увеселений. В ее основу легла сложившаяся при Петре I и его преемниках традиция ежегодных светских торжеств. При дворе Анны Иоанновны торжественно отмечали наступление Нового года, дни восшествия императрицы на престол (19 января) и коронации (28 апреля), дни рождения и тезоименитства всех членов правящего дома – самой Анны, ее сестер, племянницы и цесаревны Елизаветы Петровны. Кроме этого, двор праздновал дни орденских праздников и гвардейских полков.

Ежегодные торжества дополняли еженедельные увеселения, для которых были отведены определенные дни. По воскресным вечерам и четвергам петербургское общество и дипломатический корпус собиралось на куртаги – собрания двора для общения, игр и слушания музыки. По вторникам и пятницам посетителей двора ждали представления придворного театра. В дополнение к ним повестками двор собирали на публичные аудиенции, маскарады, празднования мира, свадьбы придворных фрейлин и по другим

случаям. На празднествах при дворе в ходу были игры в карты (фараон или квинч), бильярд и шахматы. Танцевали контрдансы, польские и изобретенный русский контрданс. При этом открывали балы высокие особы, чаще всего любившая потанцевать цесаревна Елизавета Петровна. Что касается императрицы, то она танцевала только изредка. Пиршества при дворе проходили за столами, сервированными серебром, золотом и хрусталем, украшенными цветами и лентами. К столу подавали французские и венгерские вина. Пьянство Анна не любила, и при дворе оно было запрещено. Исключение составлял только праздник вступления Анны на престол, когда всем присутствующим было положено, встав на колено, выпить бокал вина за императрицу.

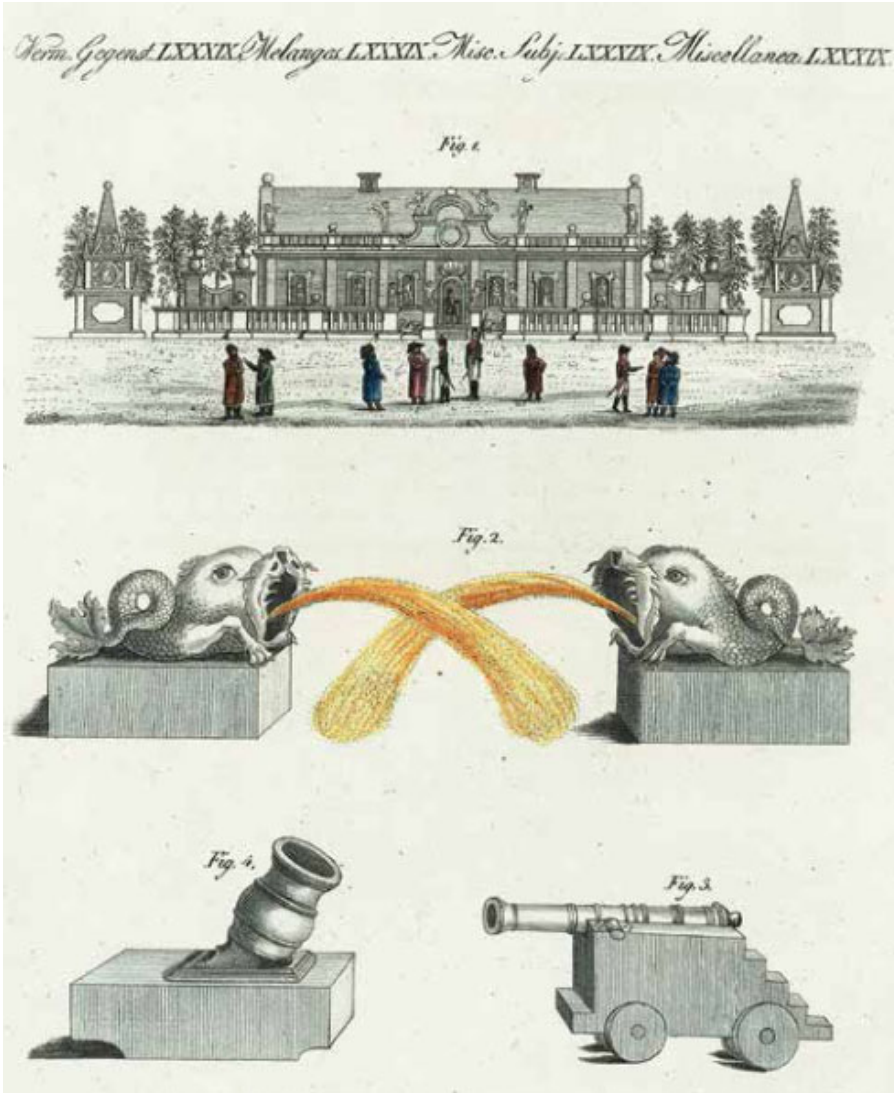
Дворец Бирона в Руентале (Рундале). Современный вид.

Особое место в придворной жизни имело заведение Анной Иоанновной придворного театра, вписавшего яркую страницу в историю отечественной культуры. В 1730 году на коронацию Анны Август II прислал из Дрездена нескольких итальянских певцов. Их искусство понравилось императрице, и она задумала завести у себя настоящую итальянскую оперу. В 1733 году в Петербург была выписана итальянская труппа, во главе которой стоял капельмейстер и композитор Франческо Арайя. Ее певцы, танцоры, комедианты и музыканты оркестра исполняли оперы и балеты, которые ставил танцмейстер Ланде, играли концерты во время застолий и придворных собраний. По отзывам

современников, опера шла «дважды в неделю для развлечения ее величества», исполняемые «пьесы – итальянскае… комедия и интермеццо попеременно. Все актеры хороши, как и танцоры и музыканты». Для подготовки танцовщиков в 1737 году в Петербурге была открыта первая в России балетная школа, которая в настоящее время является старейшим балетным училищем в мире. В 1738 году из Лейпцига ко двору была также приглашена немецкая труппа для постановок комедий и фарсов.

«Шуты при дворе Анны Иоанновны». Художник В. И. Якоби.

Рядом со светскими увеселениями важной частью протокольной жизни двора при Анне Иоанновне вновь стали отправляемые в придворных храмах церковные службы. Как и во времена ее детства, они собирали двор по двунадесятым праздникам, в воскресные дни и дни светских торжеств, и сопровождались торжественными выходами-шествиями в храм монархини.



Ледяной дом.

Заведенный Анной порядок светских придворных собраний сохранился при русском дворе в течение всего XVIII века. Такое же значение имели и многие установленные ею этикетные нормы. Так, для придворных празднеств Анна впервые ввела протокольные виды платья. Указом от 31 декабря 1731 года придворным дамам было велено являться в дорогих робах, то есть в платьях на кринолинах, на празднества первой категории, к которым относились Новый год, дни восшествия на престол, рождения и тезоименитства императрицы и день ордена Андрея Первозванного. В остальных случаях дамами использовались распашные платья самары и кружевные фонтанжи на голове.

Впервые для кавалеров орденов было введено орденское платье, а для летнего времени легкое платье светлых тонов, названное петергофским. Разумеется, сама Анна Иоанновна на раутах всегда была прекрасно одета в платья из дорогих тканей с множеством драгоценностей. Ее прическа была убрана по-французски и также с драгоценными камнями. При этом по обычаям западных дворов Анна меняла платья два или три раза в течение одного праздничного дня.

«Анна Иоанновна с арапчонком». Скульптор Б. К. Растрелли.

Особое внимание императрица уделяла «униформе» служителей своего двора. Как отмечал западный мемуарист (К. Р. Берк), повседневная ливрея русских пажей, лакеев, скороходов и гайдуков была «хуже нашей», а парадная «наоборот, слишком дорога для людей такого рода». С петровского времени в ходу была ливрея зелено-красных цветов, обложенная золотыми галунами, однако в 1739 году Анна Иоанновна сменила ее на одежду имперских черно-бело-желтых цветов.

Пышная публичная жизнь двора, построенная на европейский лад, контрастировала с повседневной частной жизнью императрицы, придерживавшейся «очень размеренного распорядка». По отзывам иностранцев, в зимнее время монархиня вставала между 6 и 7 часами утра, а летом еще раньше. Пила кофе или шоколад, который в ее покой могла принести по-домашнему в дезабилье мадам Бирон. В 9 или половине 10-го часа, когда Анна была уже одета и причесана, в придворной церкви или приемном покое начиналась утренняя молитва. Потом императрица занималась делами, принимала доклады

министров и секретарей или же немного развлекалась – играла на бильярде, смотрела во внутреннем дворе травлю волков, стреляла по птицам из окон дворца. Иногда утром Анна совершала прогулки в санях или по саду, после которых в полдень следовал недолгий обед. Обычно он проходил вместе с семьей Э. Бирона.

После обеда по русскому обычаю Анна могла предаваться сну или же забавлялась с шутами, посещала живущих во дворце придворных дам или сыновей Бирона. Вечером во дворце устраивались куртаги, спектакли или празднества. В 8 часов императрица ужинала и до 10 вечера проводила время в беседах с Бироном и его семьей. Разумеется, обычный распорядок дня императрица совмещала с аудиенциями иностранным дипломатам, празднествами и воскресными службами. Разнообразили ее жизнь гулянья и поездки в пригороды Петербурга, охота и иные увеселения.

«Императрица Анна Иоанновна в петергофском тампле стреляет оленей». Художник В. И. Суриков.

Любимыми развлечениями Анны была стрельба в цель и охота. Для этого в галерее дворца в зимнее время устраивался тир, в котором Анна увлеченно стреляла в мишени. Летом потеха переносилась в Петергоф. Для удобств охоты императрицы в окрестностях столиц указами подданным строго запрещалось бить зверя и птицу в радиусе 30 верст. Однако охота могла происходить и в самих резиденциях. В устроенных в императорских садах Зверинцах содержались многочисленные животные и птицы, которых для «потех» со всей страны присылали ко двору. В нужное время их выпускали на волю и гнали перед беседками и укрытиями, из которых воинственная Анна-Диана стреляла из ружья или лука. Отчеты об охотничьих успехах публиковала пресса. Например, в одном из сообщений «Санкт-Петербургских ведомостей» 1740 года говорилось, что с 10 июня по 23 августа ее величество, забавляясь, собственноручно

убила «9 оленей, 16 косуль, 4 кабана, 1 волка, 374 зайцев, 68 уток и 16 морских птиц». Для потех Анны русские послы за границей приобретали ей охотничьих собак. В Париже князь Кантемир купил 34 пары такс, а князь Щербатов привез из Лондона 63 пары собак, гончих, борзых и легавых.

Франческо Бартоломео Растрелли. Художник Л. К. Пфандцельт.

Блестящий вид приняла при Анне Иоанновне придворная конюшня. Благодаря увлечению конным делом Э. Бирона, лошадей лучших пород – испанских, английских, неаполитанских, арабских и других – из разных стран привозили в Петербург, где около Зимнего дворца для конных представлений был построен Манеж – «конская школа», отделанная внутри позолоченной лепниной и росписями.

Примечательной стороной придворных занятий и быта Анны было общение с наполнявшими комнаты дворца карликами и карлицами, горбунами, шутами и шутихами, калмыками и арапами. Все это напоминало московское детство Анны. От шутих Анна узнавала все городские новости и сплетни, которые дополняла своими рассказами бывшая в курсе всех столичных происшествий статс-дама Чернышева. Комнатные нравы Анны были просты – по ее приказаниям придворный поэт В. Тредьяковский, стоя на коленях, читал стихи, фрейлины пели и танцевали, а при высочайшем неудовольствии получали от государыни оплеухи или же отправлялись стирать белье на

«прачешный двор».

Самым известным развлечением императрицы, несомненно восходящим к петровскому двору и его знаменитому всешутейшему и всепьянейшему собору, были шуты. Впрочем, при Анне они потешались не над невежеством и предрассудками старины, а забавляли императрицу веселыми выходками, поясничаньем и прибаутками. Особое веселье начиналось, когда шуты изображали несушек, снесших яйца, для чего садились на лукошки и кудахтали, или же когда становились гуськом, лицом к стене, и по очереди толкали один другого, а потом начинали отвешивать друг другу оплеухи, таскать за волосы и царапаться. Пикантность этим занятиям, заставлявшим хохотать весь двор, придавало то, что среди шутов были лица знатных фамилий.

Всего в шутовском штате было шесть человек. От Петра Великого перешли к племяннице знаменитый шут Иван Балакирев и португалец «самоедский король» д'Акоста. Неаполитанец Пьетро Мира по прозвищу Педрилло появился в России уже при Анне. В Петербург он прибыл как скрипач и буф итальянской оперы и здесь перешел на более прибыльную и «веселую» должность. Остальные трое шутов являлись представителями титулованной русской знати, которым императрица, вероятно, мстила за свои прошлые обиды.

Полупомешанный камергер князь Никита Фёдорович Волконский был «пожалован» шутом из-за неприязни к его покойной жене, урожденной Бестужевой-Рюминой, причинившей при прежних царствованиях много обид Анне. Пожилой и болезненный, князь был вызван ко двору, где среди прочего ухаживал за любимой собачкой императрицы по кличке Цитринька. Другим шутом был граф Алексей Петрович Апраксин, племянник петровского адмирала Фёдора Матвеевича, он исполнял свою шутовскую роль с ревностью и слыл «несносным», обижал окружающих и не раз бывал за это от них битым. Князь Михаил Алексеевич Голицын, внук знаменитого фаворита царевны Софьи – Василия Голицына, в шуты попал за прегрешение. Будучи за границей во Франции, он женился на итальянке самого низкого происхождения и принял католическую веру. Когда случившееся открылось, Анна сочла князя слабоумным, расторгла его брак, выслала жену на родину, а князя пожаловала в шуты. Обязанностью Голицына было подавать императрице квас, за что он получил прозвище «квасник». Свадьба князя-«квасника» с престарелой шутихой калмычкой Авдотьей Ивановной, получившей в честь любимого блюда императрицы фамилию Буженинова, стала одним из самых знаменитых действ времени правления Анны Иоанновны.

Готовила увеселение, получившее название Ледяной дом, маскарадная комиссия во главе с А. П. Волынским. По замыслу камергера Татищева для молодых на Неве у Зимнего дворца и адмиралтейства был сооружен дом, сложенный изо льда с ледяными камином, мебелью, статуями, светильниками, сервизом, ледяными пушками во дворе и прочим. Все это было подсвечено огнями. Для курьезной свадьбы со всей России было свезено 150 пар представителей разных народов. Участники увеселения – абхазы, остяки, мордва, чуваши, вятичи, камчадалы, калмыки и другие – были одеты в национальные одежды и имели свои национальные музыкальные инструменты.

6 февраля 1740 года, после того как было совершено бракосочетание «молодых» в церкви, по улицам города состоялось маскарадное шествие, двигавшееся на санях, запряженных верблюдами, оленями, собаками, волами и прочими животными. Открывали свадебный поезд молодожены, сидевшие в железной клетке на спине живого слона. Пир с национальными блюдами и песенно-танцевальным представлением был устроен в манеже. В завершение его В. Тредьяковский прочел оду в честь молодых. Потом шествие отправилось в Ледяной дом, где бедных шутов-молодых уложили спать на ледяную кровать, и к дому приставили караул.

Таким был двор, домашняя жизнь и развлечения императрицы Анны, странным образом смешавшие утонченные европейские новшества и дикие нравы старого московского двора. Идеализируя черты характера и правление Анны Иоанновны, Б. Х. Миних среди прочего отмечал, что «государыня… любила порядок и великолепие, и никогда двор не был так хорошо устроен, как при ней…». В этом он был прав, так как в сущности именно Анна Иоанновна первой создала в России блестящий европейский двор.

На перекрестке Запада и Востока

Вступление в 1730 году на престол властной правительницы оживило международные контакты России, заметно ослабевшие в правление императора-подростка. В январе 1737 года Россия подтвердила союзнические отношения со Священной Римской империей, упрочив союзный договор 1726 года подписанием в Вене русско-австрийской конвенции против турок. Также она восстановила дипломатические отношения с Англией и в 1734 году заключила с ней трактат о дружбе и коммерции, который, однако, был ущербным для русского купечества из-за закрепления низких тарифов, незначительного коммерческого флота России и разрешения англичанам вести транзитную торговлю с Персией.

С переменным успехом развивались отношения России с Францией. Переговоры о союзе, которые в 1730–1732 годах велись в Петербурге, были безрезультатны, однако в конце правления Анны Иоанновны отношения были восстановлены, и Петербург и Версаль обменялись послами.

На Востоке правление Анны ознаменовалось интенсивными и неоднозначными сношениями с Ираном, противостоящим давнему противнику России – Турции. В 1735 году с ним был заключен Гянджинский мир, по которому шаху уступались приобретенные Петром I прикаспийские земли.

Фельдмаршал Бурхард Христиан Миних.

Контакты с дальним соседом России Китаем привели к появлению в 1731 и 1732 годах в Москве и Петербурге торжественных посольств Поднебесной.

Активной дипломатической и военной деятельностью правительства Анны Иоанновны сопровождались два международных кризиса, пришедшихся на 1730-е годы. Одним из них стала война за польское наследство. 1 февраля 1733 года умер польский король и саксонский курфюрст Август II Сильный. Так как король в Речи Посполитой был лицом выборным, то в Польше наступил период временного правления примаса и ожесточенной борьбы шляхетских группировок. Впрочем, ни для кого не было секретом, что нити управления предстоящими выборами вели в европейские столицы – Петербург, Вену, Берлин и Париж, которые стремились провести на сейме своих кандидатов.

Ставки в 1733 году были сделаны на двух претендентов. Австрия, Россия и первое время Пруссия поддерживали 37-летнего сына скончавшегося Августа II – ленивого и невзрачного Фредерика Августа. Другим кандидатом был 56-летний Станислав Лещинский, уже занимавший польский престол по воле Карла XII в 1704–1711 годах и изгнанный после поражения шведов под Полтавой. Теперь Лещинского, жившего во Франции, активно продвигал Версаль, так как Людовик XV был женат на его дочери Марии. В самой Речи Посполитой мнения шляхты разделились. Бóльшая часть дворян, возглавляемая примасом и многими сенаторами, желала видеть на «праздном» троне Лещинского, другая, меньшая, – Фредерика Августа.

Император Карл VI. Художник Д. Демаре.

Позиция России была сформулирована 22 февраля на расширенном заседании Кабинета министров, постановившего ни Станислава, ни другого кандидата, связанного с Францией, Швецией и Турцией, до польского трона не допускать. В Варшаву была послана грамота, извещавшая, что избрания Станислава Россия «никогда допустить не может», отправлен обер-шталмейстер К. Г. Левенвольде, и на случай применения вооруженных сил к границе отправлены войска.

Людовик XV, французский король. Художник Л. М. ван Лоо.

Отношение к Лещинскому Петербург подтвердил в конце июня, когда бывший король-претендент прибыл в Польшу. Тогда к примасу ушла грамота Анны с заявлением, что избрания Станислава она «допустить не может» и что это приведет к использованию «иных действительных способов и мер». Затем напрямую подвел к войне манифест трех держав, который вещал о «справедливой причине» войны и «защите свободы голоса» на предстоящих выборах короля. После этого заговорили пушки.

31 июля 1733 года 50-тысячный русский корпус под командой генерала П. Ласси вторгся в Польшу, и в середине августа, перейдя польскую границу, его поддержали австрийские войска. Тем временем во французском Бресте готовилась к отплытию французская эскадра с десантом. Война за польский трон началась.

Август III, польский король. Художник Л. де Сильвестр.

Между тем в сентябре на избирательном сейме примас и его сторонники избрали польским королем Лещинского. Не согласная с ними шляхта, дождавшись прихода корпуса Ласси, объявила польским королем саксонского курфюрста. В Польше и Литве русские и австрийские войска начали преследование и разгром групп сторонников Лещинского. В результате Станислав бежал в хорошо укрепленный Данциг, где ожидал прибытия морем французского десанта, а Фредерик Август 17 января 1734 года был коронован под именем Августа III.

Станислав Лещинский, польский король

В начале 1734 года часть русского корпуса осадила Данциг. В марте для принятия общего командования к нему прибыл фельдмаршал Б. Х. Миних, по-немецки «правильно» организовавший обстрел города и атаки фортов. 16 мая наступила развязка. Приплывший на 11 кораблях французский десант предпринял неудачную попытку прорваться к городу, но, понеся большие потери, был оттеснен русскими к гавани. Разбита была и вышедшая из города на помощь союзникам часть гарнизона крепости. 1 июня Станислав бежал из осажденного города, переодевшись в крестьянское платье. Сопротивление потеряло смысл. Французский флот, бросив на произвол судьбы и свой десант, и польских конфедератов, ушел, и оставшиеся французы сложили оружие. 28-го числа сдался Гданьск, признавший власть Августа III и обязавшийся выплатить контрибуцию в 2 миллиона червонных, причем 1 миллион за бегство Лещинского.

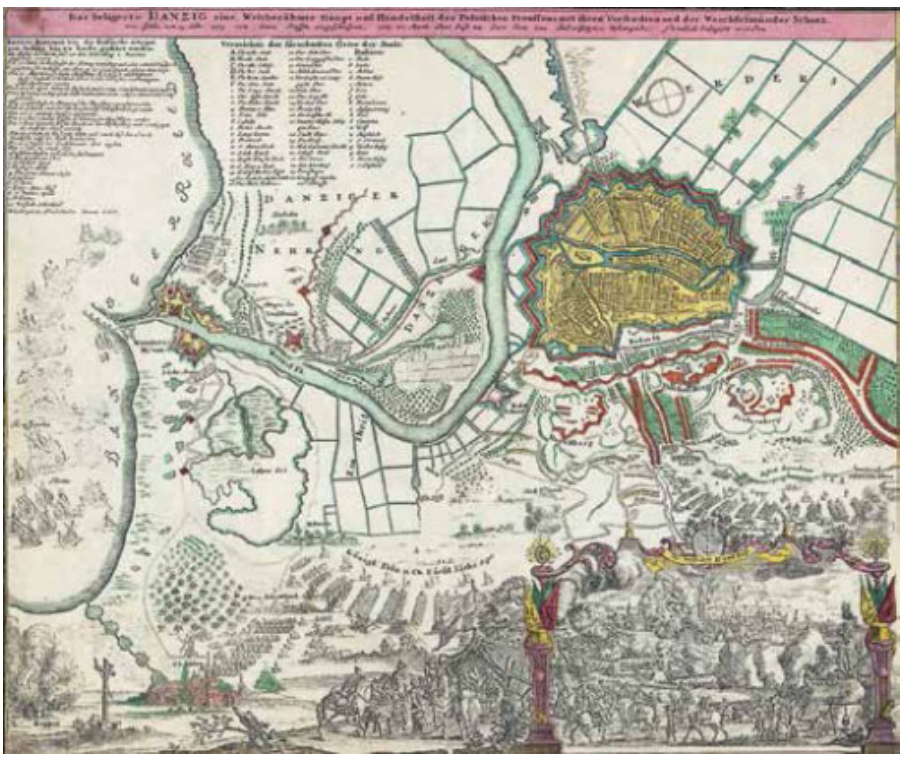
Военная кампания в Польше постепенно затихла. Она стоила жизни 8 тысячам русских солдат, из которых в боях были убиты около 2 тысяч. Тем не менее общий итог войны был положительным. Анна отстояла интересы России, не позволив Франции создать вдоль ее западных границ сплошной кордон недружественных государств из Швеции – Речи Посполитой – Османской империи.

Вслед за войной в Польше Россия вступила в противостояние

на юге со своим давним и жестоким противником Османской империей и ее вассалом Крымским ханством.

Началу военной кампании 1735–1739 годов сопутствовала благоприятная обстановка. Турция была занята войной с Ираном, и по ее указу войско крымского хана устремилось через Кавказ к Каспию на занятые Персией территории. 16 июня 1735 года на заседании Кабинета министров было принято решение начать военные действия, разделив воинские соединения для похода в Крым и взятия турецкого Азова. Главнокомандующим был назначен Б. Х. Миних.

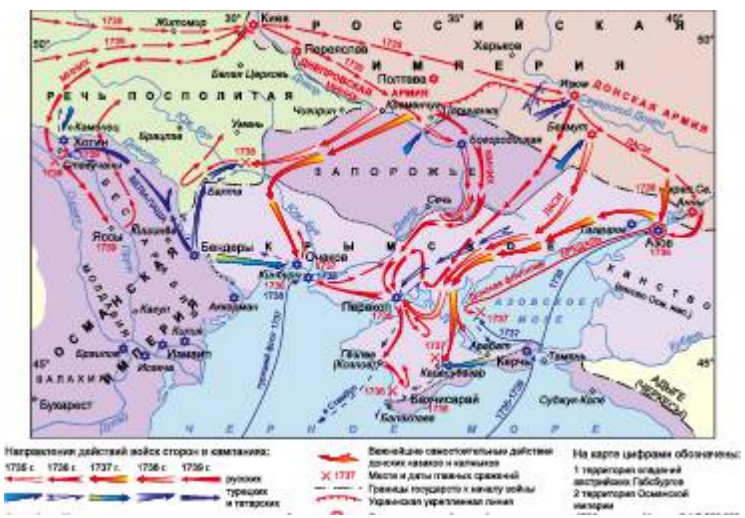
Первый поход, предпринятый по указу Миниха в октябре 1735 года в Крым через Перекоп, сразу окончился неудачей. Более успешной милостью Божией стала кампания следующего, 1736 года. В ночь на 20 марта 30-тысячное войско Левашова, которого позже сменил Ласси, атаковало укрепления Азова, начав его двухмесячную осаду. Во время одного из обстрелов произошел взрыв порохового погреба, погубивший до 300 человек гарнизона и разрушивший множество домов, и это заставило коменданта согласиться на капитуляцию, 20 мая турецкие офицеры вынесли на серебряном блюде ключи от города.



Осада русскими войсками Данцига в 1734 году. Гравюра Г. Буша по оригиналу Д. Шульца. 1730-е гг.

Тем временем Миних вел выстроенное в каре войско к крымскому перешейку и с ходу взял оборонительные сооружения Перекопа с крепостью Ор-Капы. Дорога на Крым была открыта. Впервые нога русского солдата вступила на крымскую землю. В конце мая Миних начал поход 54-тысячного русского войска вглубь полуострова. В ходе этого рейда его армия взяла Гёзлев, 16 июня разграбила и сожгла вместе с великолепным дворцом столицу ханства Бахчисарай, а затем, сметая все на своем пути, вернулась обратно.

При всех видимых успехах из рук вон плохая организация похода, палящий зной, нехватка чистой воды и пищи привели к массовой смерти людей. В сентябре 1736 года смотр войска показал, что погибла половина армии Миниха – 30 тысяч солдат, причем только две тысячи пали от рук противника в боях и стычках.



Русско-турецкая война 1735–1739 гг. Схема.

1737 год также ознаменовался двумя походами. 25-тысячный корпус Ласси, неожиданно войдя в Крым через Сиваш и Арабатскую косу, совершил разрушительный поход, в ходе которого сжег Карасу-Базар (Симферополь). Но основное сражение разворачивалось под Очаковом. Здесь 30 июня 60-тысячная армия Миниха осадила прекрасно укрепленный город с артиллерией и гарнизоном в 22 тысячи человек. Плохо подготовленный Минихом штурм города захлебнулся. Однако, как и под Азовом, все решил взлетевший от пожара на воздух пороховой погреб, в котором было до 500 бочек пороха. Мощный взрыв уничтожил треть гарнизона и вызвал панику в городе.

После неудач с вылазками турок и прорывом за стены казаков комендант сдал крепость. В плену оказалось более 3 тысяч человек. 4 июля в Очакове был отслужен благодарственный молебен за одержанную победу, и войско вернулось обратно в Малороссию.

Осада русскими войсками турецкой крепости Очаков в 1737 году. Гравюра XVIII в.

В октябре крепость вновь стала местом боевых действий. Оставленный в Очакове русский гарнизон успешно отразил попытки 40-тысячного турецкого войска вернуть важное укрепление. Как писал позже Манштейн, «я сомневаюсь, что на свете было другое войско, которое, подобно русскому, в состоянии было бы или решилось бы терпеливо выносить такие непомерные труды, какие перенесены русскими в Очакове». Цена успеха прошедшего года была огромна. Русская армия потеряла 11 тысяч человек регулярных войск, 5 тысяч казаков, 10 тысяч крестьян-погонщиков и имела тысячи раненых и больных. Между тем 1737 год ознаменовался важным событием: в войну на стороне России вступила союзная Австрия и австрийцы взяли Ниссу.

Кампания следующего, 1738 года, имевшая главной целью взятие Бендер, стала провальной для русской армии из-за начавшейся эпидемии чумы, которая, не разбирая, косила и местное население, и солдат Миниха. Из-за моровой болезни русское войско не только вернулось на свою территорию, но и оставило Очаков и Кинбурн, взорвав «до подошвы» крепостные укрепления.

Самую успешную кампанию войны принес 1739 год. Пройдя через Польшу, русская армия вышла к Днестру, где лицом к лицу

оказалась перед 90-тысячной армией сераскера Вели-паши. В сражении 17 августа под Ставучанами турки первыми сделали вылазку, но их кавалерийские атаки провалились, и нападавшие неожиданно ударились в панику и бегство. Русским победителям, у которых погибло и было ранено всего 70 человек, достались 42 турецкие пушки и все армейское довольствие.

Затем Миних поспешил к неприступной, вырубленной в скале крепости Хотин, и с ходу ее взял. Но основной причиной победы стала паника, которая после разгрома турок под Ставучанами охватила 10-тысячный гарнизон крепости. В страхе он бежал, бросив и артиллерию, и припасы, и даже знамена. 19 августа комендант Эльяс Колчак-паша поднес Миниху крепостные ключи.

1 сентября Миних перешел Прут и обратил молдаван в русское подданство. Как сам фельдмаршал писал императрице, они «приняли высочайшую протекцию со слезной радостию». А 10 дней спустя армия турок в спешке ушла за Дунай.

Кампания была выиграна, однако пожать плоды успешного похода России не удалось. Помешали союзники – австрийцы. Потерпев поражение на Дунае и без боя сдав Белград, 21 августа они заключили с турками предательский сепаратный мир. Это поставило Петербург в сложное положение и вынудило без учета военных побед пойти на подписание 18 сентября «стыдного и весьма предосудительного» мира. По Белградскому мирному договору Россия возвратила себе Азов, но со срытыми укреплениями, и получила право иметь крепость на острове Черкасе на Дону. Это были единственные уступки, сделанные турецкой стороной. Россия не имела права держать флот на Азовском море, возвращала Стамбулу Очаков, Кинбург, Хотин и т. п. Таким был итог 4-летней войны, погубившей жизни 100 тысяч русских солдат и офицеров и стоившей огромных сумм казне. Выиграв войну на поле брани, Россия проиграла ее в сражении дипломатов. Как еще 16 сентября язвительно писал Миних австрийскому князю Лобковичу: «Со стороны русских берут крепости, со стороны имперцев срывают их и уступают неприятелю. Русские завоевывают крепости и провинции, а имперцы отдают неприятелю целые королевства!»

Между тем Петербург, так спешивший покончить с войной, готовился торжественно праздновать… победу. Памятные Анне по московской юности петровские триумфы она возродила в новой столице. 27 января 1740 года гвардейские полки под звуки оркестра с развернутыми знаменами прошли в параде по Невскому проспекту, по набережной Невы мимо потешного Ледяного дома и по Дворцовой площади. Толпы народа приветствовали победителей. Вечером штаб и обер-офицеры были

приглашены на прием в Зимний дворец, где императрица жаловала каждого бокалом венгерского вина из собственных рук. Вслед за этим несколько недель в столице шли непрерывные маскарады, концерты, состоялась шутовская свадьба в Ледяном доме, а для народа выставлялись жареные быки и устраивались фонтаны с белым и красным вином. Россия праздновала окончание войны.

Семейные хлопоты и судьба престола

Последние годы царствования императрицы выдались непростыми и хлопотными. Среди политических процессов и казней ненавистных Долгоруковых, расправы с несчастным Волынским, продолжавшихся с переменным успехом военных действий на юге Анна решала крайне важный вопрос наследования престола. А это были дела семейные, сложные и, как продемонстрировал 1730 год, исключавшие совершение ошибок.

Государственную иерархию России венчала высочайшая фамилия. От нее во многом зависело благополучие престола и стабильность политической жизни. Еще в конце 1731 года в урегулировании вопроса наследия был предпринят важный шаг. 17 декабря был опубликован манифест о присяге наследнику, которого по петровскому уставу о наследовании трона изберет императрица, но имени которого не называлось. Случайностью это не было, с приходом к власти Анны Иоанновны, не имевшей законных детей и перспективы устроить собственное замужество, вопрос выбора наследника встал со всей остротой.

Маленький герцог Карл Эрнст Бирон, по всей вероятности являвшийся сыном императрицы, наследовать престол не мог. Законными, официальными членами правящей фамилии, кроме самой Анны, в 1730 году являлись пять женщин и росший в далеком Киле младенец, сын умершей цесаревны Анны Петровны.

Разумеется, для Анны Иоанновны предпочтительны были потомки не дяди, Петра Великого, а своего отца, царя Ивана Алексеевича, и она всеми силами стремилась закрепить за ними престол. Старшей сестрой императрицы была царевна и герцогиня Мекленбургская Екатерина Иоанновна, «толковая и безрассудная», склонная, по отзывам иностранцев, «к вину и любви». Анна относилась к ней с «глубоким уважением», помня ее роль в событиях 1730 года, однако веселая болтушка Екатерина не подходила для трона, да еще имела полусумасшедшего мужа, герцога Карла Леопольда Мекленбургского. Младшая сестра, болезненная Евдокия Иоанновна, с ее тайным супругом И. И. Дмитриевым-Мамоновым также не годилась для роли наследницы. Наконец, еще одной представительницей линии царя Ивана была малолетняя дочь Екатерины Иоанновны, принцесса Елизавета Екатерина Христина Мекленбургская, родившаяся в 1718 году.

Вторая, нежелательная для Анны ветвь царя Петра Алексеевича была представлена престарелой царицей Евдокией Фёдоровной, молодой красавицей цесаревной Елизаветой Петровной и внуком Петра Великого – маленьким Карлом Петром Ульрихом Голштинским. Именование принца «чертушкой» ясно показывало отношение к нему Анны, которая время от времени не без тайной надежды интересовалась, жив ли еще ребенок?

В начале 1730-х годов три печальных события изменили состав высокой фамилии. В 1731 году покинули мир царица Евдокия Фёдоровна и царевна Евдокия Иоанновна, а в 1733 году умерла царевна Екатерина Иоанновна. Для династии наступил критический момент. Бурно ссорящаяся, многочисленная в начале века царская семья Романовых обезлюдела. В императорских дворцах жили только три особы, три дамы разного возраста, две из которых согласия между собой не имели. Подозрительная Анна пристально следила за всеми действиями дочери Петра Великого. Для постоянного контроля и демонстрации публичного семейного благополучия она вызвала Елизавету Петровну, стремившуюся жить в своем Александровском, ко двору, и отправила в Сибирь ее фаворита камер-пажа Шубина. В цесаревне, как и в ее родном племяннике, росшем за границей, Анна справедливо видела опасность, так как по завещанию императрицы Екатерины I именно они являлись первоочередными наследниками престола после кончины Петра II, а отнюдь не Анна, занявшая трон волей верховников. Таким образом, единственной подходящей кандидатурой для решения вопроса наследования престола для Анны была ее малолетняя племянница.

Анна Иоанновна. Художник И. Г. Ведекинд.

Однако что же предприняла Анна Иоанновна, придя к власти? В 1730 году после совета с А. И. Остерманом и К. Г. Левенвольде императрица решила не назначать принцессу наследницей, а как можно скорее выдать ее замуж за какого-либо немецкого принца. Наследником же должен был стать один из будущих сыновей Анны Леопольдовны от еще только предполагаемого брака, причем не обязательно старший. Такой сложный вариант имел свои положительные стороны – трон наследовал мужчина, и его происхождение, по меркам европейских правящих домов, было безупречным как со стороны матери, так и со стороны отца.

Что касается устранения вызывавших тревогу потомков Петра Великого, то в случае с цесаревной Елизаветой желательным развитием событий была выдача ее замуж «за отдаленного

чюжестранного принца». Но вот что делать с маленьким принцем Голштинским, советчики Анны не знали, так как ребенок находился вне досягаемости русского двора.

Первым шагом в реализации разработанного плана по укреплению престола стало принятие в 1733 году 15-летней принцессой-лютеранкой православия. Публичная церемония перекрещивания была проведена 12 мая 1733 года. Крестной матерью выступила сама императрица, вследствие чего принцесса получила новое имя – Анна, а по отцу ей было присвоено отчество – Леопольдовна. На этом торжественном акте успела поприсутствовать ее мать, Екатерина Иоанновна, умершая через месяц, 14 июня.

Генеральная карта Российской империи, составленная на основе данных Великой Северной экспедиции 1733–1743 гг. 1745 г.

Отношение Анны к своей племяннице в начале 1730-х годов хорошо передает отзыв испанского дипломата де Лирия, писавшего, что 13-летняя принцесса «…кажется, наделена восхитительными качествами. Царица любит ее, словно свою собственную дочь, и никто не сомневался в том, что ей предназначено наследование престола». Впрочем, другие очевидцы дали принцессе более скромную характеристику. Леди Рондо писала: «Она не обладает ни красотой, ни грацией, а ее ум еще не проявил никаких блестящих качеств. Она очень серьезна, немногословна и никогда не смеется; мне это представляется весьма неестественным в такой молодой девушке, и я думаю, что за ее серьезностью скорее кроется глупость, нежели

рассудительность».

После принятия православия Анна Леопольдовна была помещена жить в императорский дворец тетки-императрицы, что ясно указывало на ее новый статус. Ранее герцогиня Екатерина Иоанновна с дочерью, как и цесаревна Елизавета, жила отдельным домом-дворцом, приезжая в императорскую резиденцию сестры на публичные мероприятия, включая ее собственные тезоименитства и дни рождения.

Следующим шагом после крещения в православие была разработка вопроса о возможных претендентах на руку принцессы. При этом всерьез рассматривались кандидатуры прусского и бевернского принцев. В итоге в 1733 году в Россию под видом «искания службы» и смотрения «цветущего Всероссийского государства» прибыл 19-летний Антон Ульрих принц Брауншвейг-Бевернский. Жених был сыном герцога Фердинанда Альбрехта и, что более важно, племянником императора Карла VI по его супруге императрице Елизавете. Молодой человек не произвел благоприятного впечатления при императорском дворе. Как отмечал Бирон, принц «имел несчастье не понравиться императрице». Не понравился он и принцессе. Антон Ульрих был невысокого роста, с белокурыми волосами, худенький, но главное – стеснительный и неловкий. В сочетании с нелюдимостью, замкнутостью принцессы эти качества привели к отчуждению между молодыми людьми. Однако международные расчеты взяли свое, и принц был оставлен в Петербурге, чтобы дождаться, пока принцесса «подрастет» и достигнет совершеннолетия. В России Антон Ульрих поступил на военную службу, получил чин подполковника Кирасирского полка и даже принял участие в боевых действиях.

Антон Ульрих, принц Брауншвейгский. Художник И. Г. Ведекинд.

Регулярно появляясь при дворе, кандидат в женихи пытался смягчить сердце принцессы-наследницы ухаживаниями. При этом его не смущала ни холодность принцессы, ни слухи о ее благосклонности к любимцу петербургских дам красавцу графу Линару. Этот еще наметившийся роман с саксонским посланником был вовремя пресечен императрицей. Графа срочно удалили за пределы России и со скандалом выслали из страны приставленную к принцессе госпожу Адеркас. Раздавленные чувства 16-летней Анны Леопольдовны были столь глубоки, что спустя несколько лет, став правительницей, она вернула графа к русскому двору, сделала его советчиком в важных вопросах и осыпала милостями – наградила Андреевским орденом, бриллиантовой шпагой и собиралась пожаловать в чин обер-камергера.

Пока же для самой Анны Леопольдовны история ее влюбленности закончилась жестким контролем за каждым ее шагом и почти заточением в комнатах дворца. Изменилось отношение к молодой особе и у императрицы. Властная и временами жестокая Анна Иоанновна хорошо осознала, что характер принцессы не соответствует требованиям престола, и стала тянуть с ее браком. Только в 1738 году ситуация оживилась. К ее «благополучному» разрешению подтолкнуло неуемное

честолюбие аннинского временщика. Бирон, ставший герцогом Курляндским и таким образом вошедший в круг коронованной элиты Европы, решил разыграть свою матримониальную комбинацию и попытался выдать Анну Леопольдовну замуж за своего старшего сына, Петра Бирона. То, что принц был моложе принцессы на 6 лет, его не смущало. И кто бы стал обращать внимание на эту мелочь, если брак был династическим и связывал фамилию нувориша с русским престолом. Императрица также не была против союза, решавшего важный вопрос внутри ее семейства – и официального и тайного.

Однако план Бирона натолкнулся на непреклонную позицию «немногословной» Анны Леопольдовны. Ответ уязвленной принцессы Бирону был обескураживающе высокомерным! Она была готова выйти замуж за представителя древнего рода принца Брауншвейгского, лишь бы не опускаться до брака с сыном выскочки и временщика. На это решение принцессу, быть может, подтолкнуло и то, что ранее неловкий, трепещущий в обществе юноша уже изменился. Антон Ульрих прошел русско-турецкую войну, был участником взятия Очакова, за что получил орден Святого Андрея и чин генерала, и это изменило его поведение при дворе.

В 1739 году, когда принцессе было уже 20 лет, вопрос ее брака с принцем Брауншвейгским был решен официально. В Петербурге вице-канцлер А. И. Остерман и члены Коллегии иностранных дел готовили пышные свадебные торжества по европейским канонам. Брак демонстративно оформлялся как союз двух империй. В начале лета имперский посланник де Ботта, специально приняв для торжественного акта характер посла, после публичного въезда и приемной аудиенции был допущен во дворец, где просил руки принцессы от имени императора Карла VI. На торжественном придворном собрании 1 июля состоялась помолвка, на которой жених и невеста обменялись кольцами. При этом на глазах у всех, произнеся согласие, принцесса повисла на шее у тетушки и залилась слезами. Ее величество также расплакалась, хотя уж кто-кто, а она хорошо знала, что «особы нашего положения не всегда вступают в брак по склонности».

Правительница Анна Леопольдовна. Художник И. Г. Ведекинд.

3 июля в Казанском соборе на Невской «першпективе» прошло венчание. К храму и затем во дворец молодых вез пышный свадебный поезд из десятков раззолоченных карет знатных персон. Кортеж следовал под звуки труб и литавр среди выстроенных в параде гвардейских полков. В храме к венцу принцессу вела сама императрица. По завершении обряда последовала пушечная пальба. В Зимнем дворце молодые «благодарили» императрицу за милость, после чего прошел праздничный пир, свадебный бал и церемониальные проводы молодых в спальню. Последующие дни ознаменовались вереницей застолий, балов с исполнением маскарадной кадрили, в которой четыре группы в костюмах-«доминах» танцевали под предводительством принцессы Анны, цесаревны Елизаветы, герцогини Курляндской и ее дочери. 7-дневные свадебные торжества украсили театральное представление «серенад с балетами», презентация «боя на воде», маскарадные ассамблеи, иллюминации и многочасовой фейерверк. Для угощения народа перед Зимним дворцом был возведен «пирамид», с которого лилось виноградное вино и в толпу бросали сотни калачей.

Год спустя, 12 августа 1740 года, Анну Иоанновну, так ратовавшую за брак племянницы, ждала радость. В молодой семье появился мальчик-наследник. Сразу при рождении ребенка императрица дала ему имя в честь своего отца – Иван, Иоанн

Антонович. Это имя подтвердили при крещении, прошедшем в парадных комнатах дворца. Восприемницей принца выступала сама Анна Иоанновна. В честь будущего императора палили пушки петербургских крепостей и служили молебны по всей стране.

Император Иоанн VI Антонович.

Задуманный в 1731 году династический пазл сложился. В правящей фамилии у племянницы Анны Иоанновны появился сын самого благородного происхождения, будущий наследник престола. Вслед за этим в начале октября вышел высочайший манифест о назначении принца Иоанна наследником российского престола. В случае же его ухода из жизни без наследников трон должен был перейти к его брату, рожденному Анной Леопольдовной и герцогом Брауншвейгским, и далее к другим принцам по их старшинству. Всего два месяца спустя Иоанн Антонович занял всероссийский императорский престол под именем Иоанна I или, считая предшественников царей, Иоанна VI.

5 октября за столом у Анны начался приступ почечной болезни, которой она уже давно страдала. Императрица слегла. Караульный офицер, а затем и Бирон видели бродившую ночью по дворцу белую женскую фигуру, которую суеверная Анна связала со своей смертью. В тот же день был подписан манифест о

престолонаследии. Встревоженный возможными трагическими последствиями болезни Бирон созвал во дворце совещание сановников. На нем «ревностные патриоты» решили, что при малолетнем наследнике и неспособной вести дела Анне Леопольдовне правление следует вручить самому герцогу Бирону. Но тот сначала лицемерно отказывался и только после обвинений в неблагодарности к стране, все ему давшей, согласился быть регентом при согласии чинов империи. К императрице был отправлен с петицией-прошением Миних.

Тогда у постели умирающей разыгралась невиданная сцена борьбы за власть. Императрица и Анна Леопольдовна говорили только о выздоровлении монархини, а это делало в случае ее кончины регентами родителей ребенка. Очевидно, что Анна полагала правильной эту расстановку лиц у трона. Между тем императрица слабела и уходила, и тогда, быть может впервые, Бирон сбросил маску. Стоя на коленях, он вымаливал у Анны собственное регентство, и стоял до тех пор, пока та не подписала нужный указ. По «определению» Бирон назначался регентом при малолетнем императоре Иоанне Антоновиче и получал «полную мочь и власть управлять… все государственные дела» вплоть до его 17-летия.

17 октября 1740 года императрица скончалась. Умирая, Анна смотрела на стоящего в ее ногах Бирона, который плакал. Английский посланник Финч передал ее последние слова: «Никогда не бойся…». Анне было 47 лет, из которых 10 она провела на российском престоле. Последний свой долг – обеспечение наследования престола – она выполнила и прочно закрепила его манифестом за потомками царя Ивана.

Однако история все повернула иначе. Когда Анны, на которую сходились все нити власти, не стало, расставленные на шахматной доске фигуры взбунтовались и отбросили законодательные нормы. Три недели спустя в ночь на 9 ноября Бирон был свергнут. Заговор в пользу Анны Леопольдовны возглавил Миних. Руководимые им гвардейцы физически усмирили дравшегося регента и связанным отвезли его в крепость. Затем отставку получил сам бравый генерал-фельдмаршал. А год спустя 25 ноября 1741 года, совершив переворот, взошла на трон цесаревна Елизавета Петровна. Она отстранила Брауншвейгскую фамилию от престола и отправила императора и его семейство в ссылку. В России продолжалась эпоха дворцовых переворотов.

Послесловие

Пышные похороны Анны Иоанновны прошли 23 декабря. Прощание с императрицей народа несколько недель проходило во дворце в пышно оформленной зале «каструм долорес». В печальной процессии несли знамена и гербы всех губерний и провинций Российской империи, короны и другие императорские регалии. За катафалком шли члены правящего дома, многочисленные чины и делегаты от российских территорий. Среди них не было только находившегося под следствием любимца покойной герцога Бирона.

Какую память оставила по себе императрица Анна? Многие успехи ее правления – борьба за польское наследство и первые походы русского войска в Крым, исследование сибирских земель, Шляхетский корпус и водворение в России оперного театра и балета, пышный императорский двор, – все это оказалось в тени славы блистательных преемников Анны Иоанновны на троне. Равным образом остался в тени и реальный ущерб от казнокрадства немецких чиновников и сдачи позиций русского государства договорами, заключенными с Англией и Персией. Тем не менее дочь царя Ивана дала своей стране 10 относительно стабильных лет существования. Но, быть может, в России вообще не любят периоды спокойного существования? Так или иначе, но имя императрицы плотно закрыли мифы с негативными хлесткими оценками ее правления. «Это царствование, – писал известнейший русский историк В. О. Ключевский, – одна из мрачных страниц нашей истории, и наиболее темное пятно на ней – сама императрица». Что ж, хлесткие определения, да еще оправленные в литературную оболочку, притягательны. И вряд ли когда-нибудь они будут совершенно отделены от образа далеко не глупой, стечением обстоятельств оказавшейся на троне царевны. И все же представляется, что образ «грубой» Анны со временем будет откорректирован. Попытки понять реальную историю 1730-х годов неизбежно приведут к более сложному, чем миф «бироновщины» и «бабы на троне», пониманию конструкции власти, именуемой русской монархией. Следствием этого станет и более реалистичное восприятие императрицы Всероссийской Анны Иоанновны.

Главные даты жизни императрицы Анны Иоанновны

• 28 января 1693 г. – В Кремлевском дворце родилась дочь царя Ивана Алексеевича царевна Анна Иоанновна.

• 29 января 1696 г. – Смерть отца – царя Ивана Алексеевича.

• 31 октября 1710 г. – Бракосочетание Анны Иоанновны с герцогом Курляндским Фридрихом Вильгельмом.

• 9 января 1711 г. – Смерть герцога.

• 1712 г. – Приезд Анны Иоанновны в Курляндию, где она прожила до начала 1730 года.

• 13 октября 1723 г. – Смерть матери – царицы Прасковьи Фёдоровны.

• 1727 г. – Начало фавора камергера Э. И. Бирона.

1730 г.

• 19 января – Смерть императора Петра II и избрание Анны Иоанновны императрицей с ограничением власти «кондициями».

• 25 января – Извещение Анны Иоанновны в Митаве об избрании императрицей и подписание ею «кондиций».

• 15 февраля – Публичный въезд в Москву.

• 25 февраля – Разрыв Анной Иоанновной «кондиций» и объявление себя самодержавной монархиней.

• 4 марта – Упразднение Верховного тайного совета и восстановление Правительствующего Сената.

• 8, 9 и 14 апреля – Указы о ссылке и манифест о преступлениях Долгоруковых.

• 28 апреля – Коронация Анны Иоанновны в Успенском соборе Московского Кремля, пожалование Бирона в чин обер-камергера.

• Учреждение лейб-гвардии Измайловского и Конногвардейского полков.

1731 г.

• 29 июля – Указ об учреждении Сухопутного шляхетского кадетского корпуса.

• 6 ноября – Учреждение Кабинета министров.

• Учреждение Канцелярии тайных розыскных дел.

• Смерть сестры – царевны Прасковьи Иоанновны.

• Январь 1732 г. – Переезд двора в Санкт-Петербург.

1733 г.

• 12 мая – Крещение в православие принцессы Елизаветы Екатерины Христины с именем Анны Леопольдовны.

• 14 июня – Смерть царевны и герцогини Мекленбургской Екатерины Иоанновны.

• Приезд в Петербург итальянской оперной труппы.

• 1733–1743 гг. – Вторая Камчатская или Великая Северная экспедиция.

• 1733–1735 гг. – Война за польское наследство.

• 1734 г. – Трактат о дружбе и коммерции с Великобританией.

• 1735 г. – Закон о праве Кабинета министров издавать указы за подписью трех министров, равные именным указам.

• Гянджинский мир с Персией.

• Открытие на Урале Горноблагодатского месторождения магнитного железа.

• 1735–1739 гг. – Русско-турецкая война.

1736 г.

• Подписан указ о прикреплении наемных рабочих к частным мануфактурам.

• Поход в Крым Б. Х. Миниха.

• 31 декабря – Манифест об ограничении дворянской службы 25 годами.

1737 г.

• 2 июля – Взятие крепости Очаков.

• Избрание Э. И. Бирона герцогом Курляндским.

1739 г.

• 3 июля – Бракосочетание принцессы Анны Леопольдовны и принца Брауншвейгского.

• 17 августа – Победа под Ставучанами над турками.

• 18 сентября – Белградский мир.

• 8 ноября – Казнь И. А., В. Л., И. Г. и С. Г. Долгоруковых.

1740 г.

• 6 февраля – Шутовская свадьба «Ледяной дом».

• Апрель – 27 июня – «Дело» и казнь А. П. Волынского.

• 12 августа – Рождение внучатого племянника и наследника принца Иоанна Антоновича.

• 5 октября – Манифест о престолонаследии.

• Около 15 октября – Подписано «определение» о регентстве Э. И. Бирона.

• 17 октября – Смерть Анны Иоанновны.

• 17 октября – 8 ноября – Правление «регента» Всероссийской империи Бирона.

• 23 декабря – Погребение Анны Иоанновны.